

ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА

№ 10

2019

ИНСТИТУТ НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА

Научно-практический журнал

№ 10 ♣ 2019

Издательство Института Непрерывного
Профессионального Образования

МОСКВА
2019

INSTITUT OF CONTINUOUS PROFESSIONAL EDUCATION

RUSSIAN ACADEMY OF NATURAL SCIENCES

PHILOSOPHICAL SCHOOL

Scientific and practical journal

№ 10 • 2019

Publishing house
of Institute of Continuous Professional Education

Moscow
2019

МИССИЯ ЖУРНАЛА «ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА»:

объединение авторов, имеющих темы для содержательного дискурса, оригинальные исследовательские разработки и проблемы для всестороннего обсуждения, а также задел для философского вопрошания и всеобъемлющей рефлексии человеческого и общественного бытия, с целью духовно-нравственного совершенствования человека посредством созидательного творческого труда в сфере сохранения и утверждения ценностей духовной культуры.

MISSION OF THE JOURNAL «PHILOSOPHICAL SCHOOL»:

uniting of authors who have themes for meaningful discourse, original research developments and problems for comprehensive discussion, reserve for philosophical inquiry and for comprehensive reflection of human and social being for the purpose of spiritual and moral perfecting of man through originative creative work in the matter of preserving and affirming the values of spiritual culture.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета:

ПЕКЕЛИС Михаил Абрамович (Михаил Пластов) — доктор философских наук (МВАК), доктор богословия (МВАК), кандидат физико-математических наук, профессор, ректор Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте, член Президиума Российской академии естественных наук, член Союза писателей СССР (Москва, Россия).

Члены редакционного совета:

АНТИПОВ Сергей Сергеевич — кандидат философских наук (МВАК), академик Европейской академии естественных наук, первый проректор Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте, сопредседатель попечительского совета Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте, секретарь Правления Московской областной организации Союза писателей России (Москва, Россия).

ВЕНГЕРОВ Алексей Анатольевич — доктор технических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, лауреат премии Правительства Российской Федерации (Москва, Россия).

ЕРОМАСОВА Александра Анатольевна — доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии Сахалинского государственного университета (Южно-Сахалинск, Россия).

ИВАНИЦКАЯ Лида Владимировна — кандидат технических наук, первый вице-президент и главный учёный секретарь Российской академии естественных наук (Москва, Россия).

КРЕЙС Владимир Владимирович — кандидат исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Академии сухопутных войск Министерства обороны Российской Федерации (Москва, Россия).

ЛАПИН Николай Иванович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН (Москва, Россия).

ЛЕВИН Элизабета — доктор физико-математических наук, темпоролог, член ISST (International Society for the Study of Time), член Союза литераторов Европы, ведущая раздела темпорологии в Институте Интегративных Исследований (IRI) (Хайфа, Израиль).

ЛЕКТОРСКИЙ Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, действительный член Российской академии наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Философия науки и техники», научный руководитель философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия).

ЛИ Андрей Гендинович — доктор медицинских наук, кандидат технических наук, профессор, проректор по научной работе Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте (Москва, Россия).

МАНДШИР Должин — кандидат философских наук, преподаватель Монгольского государственного университета (Улан-Батор, Монголия).

МОИСЕЕВ Александр Николаевич — доктор педагогических наук, профессор, академик-секретарь отделения «Педагогические науки» Российской академии естественных наук (Москва, Россия).

ПЕТРЯКОВ Александр Михайлович — доктор теологии, протоиерей, заведующий кафедрой Берлинского междисциплинарного университета им. Гёте (Москва, Россия).

РОСТОВА Наталья Николаевна — доктор философских наук, старший преподаватель кафедры философской антропологии проблем комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

СКОРОБОГАТОВА Елена Анатольевна — доктор психологических наук, кандидат экономических наук, академик Европейской академии естественных наук, проректор по международной работе Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте (Москва, Россия).

СМИРНОВ Сергей Алевтинович — доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии Сибирского отделения Российской академии наук, проектный аналитик,

главный редактор гуманитарного альманаха «Человек.RU»; эксперт ВАК, РНФ, РФФИ (Новосибирск, Россия).

СПИРОВА Эльвира Маратовна — доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Философия и культура», главный редактор журнала «Философская мысль» (Москва, Россия).

ТРУФАНОВ Сергей Николаевич — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии Самарской государственной академии культуры и искусств (Самара, Россия).

ТЯНЬЮЕ Ву — доцент отдела философии, заместитель директора Центра исследования древнего мира и средних веков Пекинского университета (Пекин, Китай).

ФАТЕНКОВ Алексей Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского государственного факультета им Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

ЧЕРНОВ Сергей Васильевич — доктор философских наук (МВАК), кандидат педагогических наук, профессор, ректор Института Непрерывного Профессионального Образования, заведующий кафедрой психологии и педагогической антропологии, научный руководитель Европейского Центра исследования гениальности (Берлин, Германия), главный редактор журнала «Философская школа» (Москва, Россия).

ШАЖИНБАТ Ариунаа — доктор философских наук, профессор, директор Института философии Монгольской академии наук (Улан-Батор, Монголия).

ШАПОВАЛОВ Владимир Иванович — доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, профессор, первый проректор Института Непрерывного Профессионального Образования (Сочи, Россия).

ШЕЙКИН Владимир Александрович — проректор по связям с общественностью Института Непрерывного Профессионального Образования (Москва, Россия).

ЩЕРБИНИН Владимир Викторович — доктор химических наук, доктор философии в области медицины, профессор, заведующий кафедрой «Исследования вопросов творческого долголетия» Берлинского междисциплинарного Университета имени Гёте, академик Европейской Академии Естественных наук (Москва, Россия).

РЕДАКЦИЯ:

Шеф-редактор — **АНТИПОВ Сергей Сергеевич**

Главный редактор — **ЧЕРНОВ Сергей Васильевич**

Председатель редакционного совета — **ПЕКЕЛИС Михаил Абрамович**

Ответственный секретарь — **СПИРОВА Эльвира Маратовна**

Заместитель главного редактора — **ШЕЙКИН Владимир Александрович**

EDITORS COUNCEL

Chairman of the Council of Editors:

PEKELIS Michael (Michael Plastov) — Grand PhD in Philosophical sciences, Grand PhD in Divinity, PhD in Physical-mathematical sciences, Professor, rector of Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität, a member of the Presidium in Russian Academy of Natural Sciences (Moscow, Russia).

Members of the Council of Editors:

ANTIPOV Sergey — PhD in Philosophical sciences, academician of European Academy of Natural Sciences, first vice-rector in Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität, co-chairman of the board of trustees in Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität, secretary of the Board of the Moscow regional branch of the Russian Writers' Union (Moscow, Russia).

WENGEROV Alexey — Grand PhD in Engineering sciences, Professor, academician in Russian Academy of Natural Sciences, Russian Federation Government award winner (Moscow, Russia).

EROMASOVA Alexandra — Grand PhD in Philosophical sciences, PhD in Psychological sciences, associate professor, professor in Department of Psychology of the Sakhalin State University (Yuzhno-Sakhalinsk, Russia).

IVANITSKAYA Lida — PhD in Technical sciences, first vice president and chief scientific secretary in Russian Academy of Natural Sciences (Moscow, Russia).

KREYS Vladimir — PhD in Historical sciences, Professor of department of humanitarian and social-economic sciences in Academy of land forces of the Ministry of Defense of the Russian Federation. (Moscow, Russia).

LAPIN Nikolay — Grand PhD in Philosophical sciences, Professor, corresponding member in Russian Academy of Sciences, head of the Center for the research of Socio-Cultural changes in Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

LEVIN Elizabetha — Grand PhD in Physical and Mathematical Sciences, temporologist, member of the ISST (International Society for the Study of Time), member of the European Union of Writers, leading the section of Temporology at the Institute for Integrative Studies (IRI) (Haifa, Israel).

LECTORSKIY Vladislav — Grand PhD in Philosophical sciences, Professor, full member of the Russian Academy of Sciences, chief researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, chief Editor of the «Philosophy of Science and Technology», scientific director of philosophical faculty in the State Academic University for the Humanities (Moscow, Russia).

LEE Andrey — Grand PhD in Medical sciences, PhD in Engineering sciences, professor, vice-rector for scientific work of Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität. (Moscow, Russia).

MANDSHIR Dolzhin — PhD in Philosophical sciences, teacher in Mongolian state university (Ulaanbaatar, Mongolia).

MOISEEV Alexander — Grand PhD in Pedagogic sciences, Professor, academician-secretary in department "Pedagogical sciences" of Russian Academy of Natural Sciences. (Moscow, Russia).

PETRYAKOV Alexander — Grand PhD in Doctor of Theological sciences, priest. (Moscow, Russia).

ROSTOVA Natalya — Grand PhD in Philosophical sciences, senior lecturer in the Department of philosophical anthropology of the problems of integrated study of man, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

SKOROBOGATOVA Elena — Grand PhD in Psychological sciences, PhD in Economic sciences, academician in European Academy of Natural Sciences, vice-rector for international affairs of Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität (Moscow, Russia).

SMIRNOV Sergey — Grand PhD in Philosophical sciences, associate professor, leading researcher in Institute of Philosophy in Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; project analyst, editor-in-chief of the humanitarian almanac "Human.RU"; Expert of the Higher Attestation Commission, the Russian Science Foundation, the Russian Foundation for Basic Research (Novosibirsk, Russia).

SPIROVA Elvira — Grand PhD in Philosophical sciences, chief researcher, head of department of history of anthropological studies of Institute of Philosophy in Russian Academy of Sciences, Assistant

editor-in-chief in journal “Philosophy and Culture”, editor-in-chief in journal “Philosophical thought”. (Moscow, Russia).

TRUFANOV Sergey — PhD in Philosophical sciences, associate professor, associate professor in Department of Philosophy and Political Science in Samara State Academy of Culture and Arts (Samara, Russia).

TYANUYE Wu — associate professor in the Department of Philosophy, deputy director of the Center for the Study of the Ancient World and Middle Ages of Peking University (Beijing, China).

FATENKOV Alexey — Grand PhD in Philosophical sciences, professor of the department of Industrial and Applied Sociology in Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia).

CHERNOV Sergey — Grand PhD in Philosophical sciences, PhD in Pedagogic sciences, Professor, rector of Institute of Continuous Professional Education, head of Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, scientific director of the European Center for Genius Research (Berlin, Germany), editor-in-chief in journal “Philosophical school”. (Moscow, Russia).

SHAZHINBAT Ariunaa — Grand PhD in Philosophical sciences, Professor, Director of the Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia)

SHAPOVALOV Vladimir — Grand PhD in Pedagogic sciences, PhD in Psychological sciences, Professor, first vice-rector of Institute of Continuous Professional Education (Sochi, Russia).

SHEYKIN Vladimir — vice-rector for public relations of Institute of Continuous Professional Education. (Moscow, Russia).

SHCHERBININ Vladimir — Grand PhD in of Chemical Sciences, Professor, head of the Department “Research on the issues of creative longevity” of Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität academician in European Academy of Natural Sciences. (Moscow, Russia).

EDITORS:

Editorial director — **ANTIPOV Sergey Sergeevich**

Editor-in-chief — **CHERNOV Sergey Vasil’evich**

Chairman of the Council of Editors — **PEKELIS Michael Abramovich**

Executive secretary — **SPIROVA Elvira Maratovna**

Assistant editor-in-chief — **SHEYKIN Vladimir Alexanderovich**

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА

Е. А. Мамчур

О КРИТИКЕ ХАЙДЕГГЕРОМ СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ10

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Н. А. Печерская

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СУТИ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ:

ПРЕПОДАВАНИЕ ТЕОЛОГИИ В СВЕТСКОМ ВУЗЕ20

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Н. Г. Кротовская, В. С. Кулагина-Ярцева

ПОНЯТИЕ «ЧЕЛОВЕК»: ОТ СТАТИЧНОГО К ДИНАМИЧНОМУ26

ФИЛОСОФИЯ ПОЭЗИИ

Г. Н. Рязанцев-Седогин

О ПРИРОДЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ: НА ПРИМЕРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО

ТВОРЧЕСТВА ИВАНА ПЕРЕВЕРЗИНА41

КНИЖНАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

А. А. Воронин

О КНИГЕ А. В. СУВОРОВА «ВСТРЕЧА ВСЕЛЕННЫХ, ИЛИ СЛЕПОГЛУХИЕ

ПРИШЕЛЬЦЫ В МИРЕ ЗРЯЧЕСЛЫШАЩИХ»49

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА

А. С. Чернова

ВНЕ ВРЕМЕНИ58

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ61

ABOUT THE AUTHORS61

КОНЦЕПЦИЯ ЖУРНАЛА «ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА»62

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ63

CONTENT

PHILOSOPHY AND SCIENCE

E.A. Mamchur

ABOUT HYDEGGER'S CRITICISM OF MODERN NATURAL SCIENCE	10
--	----

PROBLEMS of EDUCATION

N.A. Pecherskaya

RETURN TO THE ESSENCE OF EDUCATION IN RUSSIA: TEACHING THEOLOGY IN SECULAR INSTITUTE	20
---	----

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

N.G. Krotovskaya, V.S. Kulagina-Yartseva

THE CONCEPT OF «MAN»: FROM STATIC TO DYNAMIC	26
--	----

PHILOSOPHY OF POETRY

G.N. Ryazantsev-Sedogin

ABOUT THE NATURE OF RUSSIAN POETRY: ON THE EXAMPLE OF POETRY CREATIVITY OF IVAN PEREVERZIN	41
---	----

BOOK LIST

A.A. Voronin

ABOUT THE BOOK OF A. V. SUVOROV «MEETING OF UNIVERSES, OR DEAF-BLIND ALIENS IN THE WORLD OF SIGHTED»	49
---	----

PHILOSOPHICAL PROSE

A.S. Chernova

OUT OF TIME	58
-------------------	----

ABOUT THE AUTHORS (RUSSIAN)	61
-----------------------------------	----

ABOUT THE AUTHORS (ENGLISH)	61
-----------------------------------	----

CONCEPT OF THE JOURNAL “PHILOSOPHICAL SCHOOL”	62
---	----

INFORMATION FOR AUTHORS	63
-------------------------------	----

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА

Е. А. Мамчур

О КРИТИКЕ ХАЙДЕГГЕРОМ СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена критике Мартином Хайдеггером современной естественной науки. Основная его претензия к естествознанию состоит в том, что оно не способно включить в себя исследования человека. Анализируются критические аргументы немецкого мыслителя. Статья состоит из четырех частей. В первой части содержится хайдеггеровская репрезентация современного естествознания. Обосновывается, что истоки современной естественной науки уходят своими корнями в западно-европейскую науку Нового времени. Показано, что в отличие от созерцательного познания древних греков западноевропейская наука Нового времени представляет собой рас-смотрение, «разделявание» результатов когнитивной деятельности. Во второй части репрезентации анализируется другой недостаток современной естественной науки — ее участие в поставе (Geshtell). Постав — термин, изобретенный и введенный в философию Хайдеггером. Постав несет ответственность за техническую гонку, свидетелями которой мы являемся. В третьей части содержится критика критики науки, представленной как приверженцами современного естествознания, так и его критиками. В четвертой части анализируется проект новой науки Хайдеггера, призванной заменить современное естествознание в качестве основы науки о человеке. Показано, что Хайдеггер не собирается отказываться от естествознания, но полагает, что оно, для того, чтобы включить в себя исследования человека, должно быть модифицировано. Выдвигается предположение, что с позиции немецкого мыслителя нужен синтез модифицированного естествознания с экзистенциальными факторами. Анализируются трудности, встающие на пути создания синтеза и поисков его механизма.

Ключевые слова: репрезентация современной естественной науки, истоки современного естествознания, созерцательный характер познания древних греков, рас-смотрение как метод нововременного западноевропейского естествознания, предмет, предметное противостояние действительного, постав, техническая гонка, синтез естественнонаучных и экзистенциальных факторов.

Е. А. Mamchur

ABOUT HYDEGGER'S CRITICISM OF MODERN NATURAL SCIENCE

Summary. The paper focuses on Heidegger's criticism of modern natural science. The German philosopher sees its main deficiency in its inability to include investigation of man. The paper consists of four chapters. The first one deals with Heidegger's representation of contemporary natural science. He proves that it is deeply enrooted in Western science of New Time. By contrast with the contemplative cognition of ancient Greeks, modern science actively dismembers the analyzed object. The second part of the paper analyzes another disadvantage of modern science: its involvement in what Heidegger understands as "Geshtell" — technical attitude to the world, which stimulates technical race — the process we witness today. One should emphasize the special status of Geshtell; by contrast with science and techniques, representing theoretical factors, Gestell is existential factor: it engenders a special mood in society that provokes technical race. The third part deals with criticism of science by its advocate and its critics. The fourth part focuses on a new science suggested by Heidegger. He supposed to replace the contemporary natural science by a synthesis of scientific and existential factors. Heidegger does not exclude natural science, but he insists that it should be modified in order to be able to create science about man. The German philosopher considers that it is necessary to work out a synthesis of both approaches. The possible difficulties in finding such synthesis, and a mechanism of its realization are regarded.

Key words: contemporary natural science, roots of modern science, contemplative character of cognition of ancient Greeks, Geshell, technical race, synthesis scientific and existential approaches, mechanism of synthesis.

1. Репрезентация Хайдеггером современной науки

Одно из главных мест в философии М. Хайдеггера занимают размышления о науке. И это не удивительно: современная наука (имеется в виду естествознание) проникает во все сферы человеческого бытия — в экономику, культуру, архитектуру, образование, медицину, исследование космоса. Она в подлинном смысле слова завоевывает мир. Однако Хайдеггер критикует современную естественную науку. Основная его претензия к естествознанию состоит в том, что в его современном состоянии оно не способно включить в себя исследование человека: разработку вопросов о бытии человека и его мире; о сущности человека; о возможности очеловечивания нашего мира.

Хайдеггер предпочел бы, чтобы истоки науки уходили в древнюю Грецию. «Древние греки не «выдохлись», не устарели [5, с. 48]. «Меня день ото дня занимают мысли об отношении сегодняшнего мышления и его задач к определяющему греческому началу» [там же, с. 368]. С таких позиций немецкий мыслитель начинает свое представление современной естественной науки.

Греки истолковывали познание как *созерцание*. Для них вообще созерцание было самым приемлемым стилем жизни и самым надежным способом познания мира. По сравнению с древнегреческим созерцанием современное естествознание использует те методы, которые были приняты в западноевропейской науке в Новое время. Поэтому Хайдеггер уточняет: «Действительность, внутри которой движется и пытается оставаться сегодняшний человек, все больше определяется тем, что называют западноевропейской наукой Нового времени» [4, с. 239]. И далее: «Вглядываясь в это обстоятельство, мы обнаруживаем, что в западной части мира на протяжении веков ее истории наука развернула нигде более на земле не встречающееся могущество и идет к тому, чтобы в конце концов наложить свою власть на весь земной шар» [там же].

В отличие от созерцательного познания древних греков, современное западноевропейское естествознание использует метод, который Хайдеггер характеризует как *рас-смотрение*, «разделявание». *материала когнитивной деятельности*. В отличие от древнегреческого созерцания рассмотрение

характеризуется Хайдеггером как насилие над действительным.

Что представляет собой современная наука? Краткое определение, которое дает немецкий философ, звучит так: «Наука — это теория действительного» [4, с. 239]. Многократно возвращаясь к этому определению, Хайдеггер еще и еще раз напоминает, что в этом тезисе под наукой следует понимать только западноевропейское естествознание Нового времени. Этот тезис не имеет смысла ни для средневекового познания, ни для познавательной деятельности в античности. От теории действительного средневековая доктрина имеет такое же сущностное отличие как эта последняя в свою очередь от созерцательной науки древних греков.

Современное естествознание в отличие от древнегреческого созерцания является исследующе-устанавливающей обработкой действительности. [4, с. 244]. «Это казалось бы противоречит ее природе, пишет Хайдеггер. Ведь наука, будучи теорией, должна быть чисто теоретичной. От обработки действительного она вроде бы все-таки воздерживается. Она все-таки делает ставку на чистоту постижения действительного. Она не вторгается в действительное с целью изменить его. Торжественно провозглашается, что чистая наука не имеет целеустановок» [там же].

Так думают многие приверженцы современного естествознания. На самом деле, утверждает Хайдеггер, они ошибаются. Наука, базирующаяся на методе *рас-смотрения*, есть «до жути решительная обработка действительного» [там же]. Такая обработка требуется для того, чтобы довести действительное до предметного противостояния.

Что такое предметное противостояние? Попытаемся объяснить. Начиная с Нового времени западноевропейское естествознание устанавливает определенную форму действительного как свою предметную область. В этом и состоит его целеустановка. Наука, использующая метод рассматривания требует от действительного, чтобы оно стало предметом [4, с. 245].

В греческом и средневековом мышлении нет понятий предмета и предметного противостояния. Это современные термины. Предметы впервые появляются у Декарта. Западноевропейское естествознание Нового времени последовало методу Декарта, который проводил жесткую границу между мыслящей и протяженной субстанциями. Такая

гносеологическая установка находилась в острейшем противоречии с познавательной установкой древних греков. Греки обозначают сущее как присутствующее, как лежащее-перед-нами, как то, что я всегда уже застаю. В отличие от античности, в нововременной западноевропейской науке человек становится субъектом в декартовском смысле. А предмет оказывается в позиции предметного противостояния субъекту.

Хайдеггер утверждает, что есть три понятия предмета. В первом случае предмет это объект естественнонаучного опыта. Во втором — предмет это отдельная, имеющаяся в наличии вещь. В третьем — это «что-то» как субъект некоторого высказывания о нем. В данной статье мы будем иметь в виду лишь первое понятие предмета.

Если в современном естествознании предполагаются измерения и вычисления, то природа заранее устанавливается как предмет, и только как предмет всеобщей вычислимости. [5, с. 163]. Если наука о человеке, пишет Хайдеггер, должна удовлетворять основным требованиям современной науки, то в таком случае она должна следовать принципу приоритета метода — в смысле проектирования наперед-вычислимости. «В сегодняшней науке мы находим стремление распоряжаться природой, использовать ее, вычислять наперед, заранее определять, каким должен происходить естественный ход событий... Действительно то, что наперед вычислимо, измеримо и только это», утверждает Хайдеггер» [5, с. 51]. Но в результате, констатирует немецкий мыслитель, мы получаем не человека, а человека-машину [5, с. 202].

С позиции Хайдеггера опредмечивание природы накладывает негативный отпечаток и на процедуру и результаты экспериментальной проверки теорий. «В физике, — писал он, — предлагают теорию, а затем экспериментами проверяют, соответствуют ли этой теории экспериментальные процессы. Показывают лишь соответствие результатов эксперимента теории. *Не показывают, что теория как таковая является познанием природы (курсив мой, Е.М.)*. Ни эксперимент, ни результаты эксперимента не выходят за рамки теории, а остаются в сфере, обозначенной теорией. Эксперимент рассматривается не в соответствии с природой, а в соответствии с тем, что установлено в теории, и то, что установлено в теории, является проектом природы в соответствии с естественнонаучным представлением, например, галилеевским» [5, с. 60].

Или еще цитата. «Что такое эксперимент, спрашивает Хайдеггер. Посредством эксперимента предмет с некоторой точки зрения опрашивают,

выслушивают. С какой точки зрения? Чем эта точка зрения определяется? Той теорией, которая заранее определяет природу ... Между ними (теорией и экспериментом — *Е.М.*) существует взаимосвязь, поскольку по результатам эксперимента теория преобразуется, а задача эксперимента состоит, соответственно, в том, чтобы эмпирически доказать теоретически установленные утверждения» [5, с. 191]. Таким образом Хайдеггер фиксирует то обстоятельство, что фактически исследователь из-за процедуры опредмечивания не может пробиться к самой природе. «И это настойчивое устанавливание, фиксирующее действительное в его предметной противопоставленности — основная черта того представления, в силу которого современная наука достигает соответствия действительности» [там же].

Вывод, к которому приходит немецкий философ может быть сформулирован так: современная наука, без определенных преобразований не может включить в себя исследование человека. Нужна другая наука.

2. Современная наука и хайдеггеровский Постав (GESTELL)

Другой недостаток современной естественной науки, который мешает ей включить в себя разработку проблем человека, состоит в том, утверждает Хайдеггер, что она продуцирует технику и таким образом является одним из факторов постава. Что такое постав (Gestell)? Термин постав был изобретен и введен в философию самим немецким философом. Постав оказывается тесно связанным как с понятием науки, так и с понятием техники. В производстве техники определяющая роль принадлежит современному естествознанию. Постав является сущностью техники. Но он не продуцирует технику. Он порождает в обществе **техническое отношение к миру**. В отличие от естествознания, порождающего теоретические идеи для производства техники и материальных факторов, поставляемых самой техникой, техническое отношение к миру генерирует определенное настроение в человеческом обществе, стимулирующее техническую гонку. И это делает его **экзистенциальным фактором**.

Постав, это некое таинственное начало, стоящее и действующее за спиной организаторов науки, проектировщиков и авторов технологических новаций, а также непосредственных создателей технологических артефактов и технических

устройств — технологов, дизайнеров, инженеров и строителей. Участвуя в создании и развитии техники, они не подозревают об этой силе, также как, согласно Гегелю, непосредственные участники исторического процесса не подозревают о том, что за их действиями стоит мировой разум.

Способность поставы порождать техническое отношение к миру является величайшей опасностью для человеческой цивилизации. В первой половине XX-го века мы были уверены в том, что это мы управляем техникой, но со середины XX-го века мы все больше убеждаемся в том, что это техника управляет нами.

К близким к хайдеггеровскому поставу идеям пришел известный физик Г. Казимир. (Естественно, он не упоминал о роли экзистенциальных факторов — это мог сделать только философ). Размышляя о развитии техники, он говорил о том, что взаимодействие науки и техники напоминает собой спираль: новые идеи в науке порождают новации в технике; технологические инновации в свою очередь порождают новые идеи в науке и т.д. Казимир называл эту спираль угрожающей, поскольку она раскручивается сама по себе и не поддается контролю. «Я беспокоюсь не столько о том, кем она контролируется — учеными или промышленным капиталом. Меня беспокоит то, что на самом деле она не контролируется никем и ускользает от нас» [6, с. 454–455].

Мы являемся свидетелями того, как техническое отношение к миру властно проникает в нашу повседневную жизнь. Именно постав генерирует тенденцию к производству все новых и новых технологических новаций, без многих из которых человечество вполне могло бы обойтись. Постоянные изменения в сфере моды (одежды, обуви, косметики); создание новых марок автомашин, отличающихся от уже существующих только дизайном; многие новшества в сфере информационных технологий, многочисленные айфоны и айпеды которые, возможно, не так уж и нужны людям. Мало того, что они затратны, они еще и вносят «вклад» в дегуманизацию общества, разобщая людей.

Тенденция к техническому овладению действительностью проникает и в сферу искусства и вообще культуры. Возьмем кинематографию. На смену таким естественным для европейской кинематографии критериям оценки фильмов как богатство содержания, глубина мысли, наличие скрытых смыслов, сила и глубина выражаемых чувств, главным критерием становится изощренность технических решений изображения в картине и ее техническая оснащенность. Создатели таких «технических»

фильмов соревнуются только в количестве технических находок.

Эта тенденция завоевывает и театр. Просмотрев одну из новых экспериментальных театральных постановок в одном из столичных театров (не буду называть ни театр, ни имени режиссера, поскольку это довольно типичное явление), известный критик-искусствовед очень точно сказал: «Много трюков, но мало смыслов». Такое искусство вряд ли даст что-либо для обогащения духовной жизни человека и человечества или пробудит в них какие-либо особые нравственные чувства.

И вновь Хайдеггер обращается к древней Греции, философию которой он хотел бы иметь в качестве истоков новой науки о человеке. К той роли которую играло там искусство. Оно не было просто объектом эстетического наслаждения. Оно носило имя «*техне*», и было являющим и выводящим раскрытием потаенности.

«Будут ли изящные искусства снова призваны к поэтическому раскрытию потаенного, спрашивает немецкий философ. Потребуется ли от них это раскрытие большей изначальности, как это было в древнегреческой античности?... Дано ли искусству осуществить эту высшую возможность своего существа среди крайней опасности, никто не вправе знать» [3, с. 238]. Но Хайдеггер высказывает надежду, что именно для искусства это возможно. «Поскольку существо техники не есть нечто техническое, сущностное осмысление техники и решающее размежевание с ней должны произойти в области, которая, с одной стороны, родственна существу техники, а с другой, все-таки фундаментально отлична от нее» [там же]. Т.е. как раз в области искусства.

Но вернемся вновь к фундаментальной науке и ее роли в поставе. Есть материальное и эпистемологическое истолкование термина постав. В материальном смысле поставом может быть пара мельничных жерновов, станок. В эпистемическом плане, интересующем нас, постав выступает в качестве стимула, способствующего технической гонке. «Мы вправе ужасаться... возможности... того, что повсюду победит неистовая техническая гонка, пока однажды, пронизав собою все техническое, существо техники не укоренится на месте события истины», — так характеризует возможное развитие событий Хайдеггер [там же].

Никто не может остановить постав. Развивая этот тезис, М. Хайдеггер заострил и драматизировал вопрос о роли науки в будущем человеческой цивилизации. Постав опасен и для самой науки. Используя свою терминологию, которую мы не

будем специально рассматривать здесь, Хайдеггер утверждает, что, действуя в современной естественной науке, постав стоит на пути выхода из потаенности, препятствует этому выходу, не давая возможности проявить себя «свечению истины» [3, с. 234].

Хайдеггер считал, что не только один человек, но и все человечество не способны предотвратить негативный ход событий, остановив постав. Спасение, если оно придет, будет иметь совсем другую природу. Немецкий философ намекал на некое спасительное, которое вырастает из самого опасного — существа техники, и именно оно сможет помочь человеку в роковую минуту, когда опасность проявит себя в полной мере, справиться с ситуацией. «Опасность сама, давая о себе знать в качестве опасности, есть спасительное» [там же].

Эту двойственную и противоречивую сущность поставы Хайдеггер фиксирует неоднократно. Постав — это величайшая опасность. Но это такая опасность, из которой только и может произрасти спасительное.

Фундаментальная наука в ее современном состоянии рассматривалась Хайдеггером как один из факторов поставы. А это значит, что западноевропейская наука Нового времени несет ответственность за все более растущее и распространяющееся техническое отношение к миру. На какое же улучшение нравственности людей с помощью *такой* науки можно уповать? Тут уж не до роста духовности и улучшения морали. Так что наука, участвуя в производстве техники и являясь «помощником» поставы, не может без определенных преобразований являться той наукой, которая может включить в себя разработку проблемы человека.

Хайдеггер специально не занимался вопросом о том, каково взаимодействие науки и технологии. Но без построения адекватной модели их взаимоотношения, невозможно понять, какую роль в поставе играет чистая наука. Этот вопрос до сих пор остается нерешенным. Только в последние годы мировая философская мысль начинает осознавать необходимость ответить на этот эпистемологический вызов.

Что же Хайдеггер предлагает взамен современной науки? Ведь очевидно, что он не собирается совсем отказываться от естествознания. Хайдеггер предпочел бы, чтобы истоком искомой им науки было созерцательное познание древних греков, а не новоевропейское естествознание. Но так уж сложилось исторически. Можно предположить, что, понимая это, Хайдеггер ищет некий синтез современного естествознания и экзистенциального

знания. При этом он полагает, что современное естествознание должно быть модифицировано. Но хотят ли этого сами естествоиспытатели? Согласны ли они на искренний диалог с критиками науки? Хайдеггер раздраженно упрекает естествоиспытателей в отсутствии самокритичности. «Физик не сойдет со своего трона, защищая свою физику», говорит Хайдеггер. И в попытке отстоять современную науку, многие ученые-физики чуть не объявляют, что философия плетется в хвосте науки. Хотя многие естествоиспытатели считают, что на некоторые недостатки естественной науки Хайдеггер указал верно. Однако, прежде чем проверить выдвинутое предположение, рассмотрев те реальные шаги, которые предпринимал Хайдеггер в реализации искомого им синтеза, обратим внимание на те критические аргументы, которые выдвигают как сторонники Хайдеггера так и приверженцы современного естествознания, когда они критикуют аргументы, развиваемые Хайдеггером.

3. Критика критики Хайдеггера

Начнем с Канта. Если бы Кант был знаком с работами Хайдеггера, он несомненно был бы против позиции немецкого мыслителя по отношению к естествознанию: ведь критикуя современное естествознание, Хайдеггер не приемлет методологию фактического основателя новоевропейской науки — Ньютона. Годом возникновения новоевропейского естествознания считается 1687 г., когда появились «Математические начала натуральной философии» Ньютона. Так что, критикуя современную естественную науку, Хайдеггер фактически отказывается и от методологии Канта.

На стороне Хайдеггера в критике современной науки был Эдмунд Гуссерль — его учитель. Взгляды Гуссерля и Хайдеггера в критической аргументации против современной науки далеко не всегда совпадали. Гуссерль, критикуя современную науку, оставался все-таки в ее пределах. Хайдеггер критиковал науку со стороны, с позиции философии. Тем не менее, в своей критике современной науки Гуссерль преимущественно был на стороне Хайдеггера.

Гуссерль писал о кризисе европейского естествознания. Он усматривал кризис в том, что наука стала фактической. Она не решает тех экзистенциальных проблем, которые волнуют человека. «Фактическая наука порождает «фактических» людей, пишет Гуссерль. Ей нечего сказать людям в их поисках ответов на вопросы, которые являются жизненно важными «для обесцененных людей в наше

бездущное время...» [7, с. 4]. Наука не стремится помочь человеку в решении наиболее животрепещущих проблем его бытия, таких как вопрос о смысле жизни, о добре и зле, о назначении человека.

Приверженцы современного естествознания, отвечая критикам естествознания, говорят о существовании в общественном сознании своеобразного разделения труда: наука, и особенно естественная наука, не может охватить все вопросы, волнующие человека. Ее основная задача состоит в добытии объективно истинного знания, без обладания которым человечество просто бы не выжило. Вопросы о нравственности и другие экзистенциальные проблемы исследуются другими сферами интеллектуального освоения действительности — философией и одной из важнейших философских дисциплин — этикой.

На существование границ теоретического (научного) разума впервые указал Кант, сформулировавший концепцию о существовании различий между теоретическим и практическим разумом. Кант утверждал, что теоретический разум имеет пределы. И все экзистенциальные, в том числе и моральные проблемы лежат за пределами возможностей теоретического разума. Решение моральных проблем, по Канту, находится в компетенции практического разума. И хотя Кант не употреблял термина экзистенциальный, область действия кантовского практического разума вполне можно охарактеризовать как сферу экзистенциального. Так что в отношении к возможностям теоретического естествознания Кант был бы на стороне Хайдеггера.

Наличие пределов и границ теоретического разума осознают и многие естествоиспытатели и думающие философы науки. Как естествоиспытатели ни привержены науке, на какой бы пьедестал они ее ни возносили, они признают, что наука не может всего. Многие вопросы лежат в сфере одной из философских дисциплин, а именно в сфере этики.

Главную причину кризиса европейской науки Гуссерль усматривал в математизации естественных наук и в использовании в них абстракций. Создавая особые идеализированные миры, математическое естествознание, говорил он, способствует отчуждению науки от фундаментальных вопросов жизненного мира человека, того реального мира, в котором он живет и действует.

Естествознание действительно вырабатывает особый специализированный язык; в этом его критики правы. Но, в отличие от них, естествоиспытатели видят в этом не недостаток (или, даже, как писал Гуссерль, «болезнь») науки, а ее достоинство.

Один из верных приверженцев современного естествознания — В. Гейзенберг — признавал огромную эвристическую роль абстракций в развитии естествознания. Характеризуя абстракции, он пишет: «Абстракция означает возможность рассмотреть предмет или группу предметов под одним углом зрения, отвлекаясь от всех других свойств рассматриваемого предмета. Сущность абстракции составляет выделение одной особенности и противопоставление ее как особо важной всем прочим [1, с. 242].

Невозможность развивать естественную науку, ориентируясь на обыденный мир человека, отмечает и известный отечественный математик Ю. И. Манин. Он противник Гуссерля, упрекавшего современную науку в «злоупотреблении» математикой. «Все математические формулы можно заменить словами обыденного языка, но при этом мы никогда не сможем получить тех результатов, которые мы получаем, используя абстрактный язык математики. Обыденный язык обладает свойством «сопротивляться алгоритмическим оперированием с ним». Возможно, это и есть объяснение того, почему только математика может служить адекватным языком для физики. «Это не означает, что у нас не хватает слов обыденного языка для выражения всех этих $E=mc^2$ и $\int e^{iS(\varphi)} D\varphi$. Слова могут быть изобретены и на самом деле легко изобретаются. Главное в том, что мы не можем сделать что-либо с теми открытиями и достижениями в науке, которые нашли свое выражение в формулах, если у нас есть только слова» [8, с. 3].

Математический язык науки, вопреки Гуссерлю, задает ее выводам большую, иногда поражающую воображение, точность. Кроме того, математизация и математические абстракции являются источником генерализации научного знания. Математические модели, создаваемые для описания той или иной области явлений, неожиданно могут оказаться приложимыми к системам совершенно другой природы. Размышляя об эвристичности абстракций, Гейзенберг говорит: «Понятия, первоначально полученные путем абстрагирования от конкретного опыта, обретают собственную жизнь... В последующем развитии они обнаруживают собственные конструктивные возможности: они способствуют построению новых форм и понятий, позволяют установить связи между ними и могут быть... применимы в наших попытках понять мир явлений» [1, с. 243]. Так что с позиции представителей естественных наук, абстракции в науке — это великая сила. И чем более абстрактной является абстракция, тем она продуктивнее.

Создаваемые учеными идеализированные миры отличаются от жизненного мира человека. Гуссерль настаивал на том, что мир повседневности в конечном счете выступает главным источником смысловой базы математизированного естествознания. Однако показать, каким образом смыслы теоретических сущностей, их свойств и параметров черпаются из жизненного мира человека, оказывается очень непростой задачей. Пока это остается лишь на уровне общих фраз. Особенно сложным оказывается путь обретения таких смыслов на современном этапе развития науки, когда она перешла к изучению ненаблюдаемых сущностей. Это, кстати, признавал и Хайдеггер. Рассказывая о том, как физики работают с ненаблюдаемыми сущностями, Хайдеггер пишет: «И поразительно то, что при этом что-то обнаруживается. Но есть ли что-либо толковое в том, что при этом обнаруживается? Соответствует ли оно действительности? Видели ли когда-нибудь физики действительность? Речь о соответствии действительности вообще не имеет никакого смысла. Электроны и тому подобное являются гипотезами, которыми хоть и позволяют оперировать, но никто их не видел» [5, с. 52].

Благодаря идеальным объектам и идеализированным моделям становится возможным формулировать теоретические принципы, создавать теоретические системы, позволяющие объяснять имеющийся эмпирический материал и делать на их основе предсказания до сих пор неизвестных науке новых явлений. В природе не существует пустого, однородного, лишённого сил пространства. Такое пространство это фикция, абстракция, изобретение человеческого ума. Но без этого идеального объекта невозможно было бы сформулировать принцип инерции, а, значит, описать законы движения небесных тел и решать другие проблемы механики. Существует ли все это в жизненном мире исследователей? Ничего подобного там нет. Это все гипотетические идеализированные объекты.

Гуссерль, как и Хайдеггер, считал, что наука о душе не может разрабатываться теми методами, которые используются в естествознании. И дело здесь не в том, любит ли ученый свою науку или нет. Осознавая, что все усиливающаяся абстрактность науки может отпугивать людей, Гейзенберг призывал оставить вопрос о ценностях в данном случае в стороне. «Не стану гадать, пишет он, в самом ли деле наука прежних времен доставляла больше радости, поскольку любовное погружение в детали природных явлений позволяло вдохнуть жизнь в изучаемые зависимости природы и сделать их зримыми (как считает Хайдеггер), или же

напротив, невероятное развитие технических возможностей, к которым привели современные исследования, неопровержимо продемонстрировало превосходство именно нашей концепции естественных наук» [1, с. 241].

Между тем Хайдеггер неоднократно повторяет, что он не против современной науки. Он только против абсолютизации современного естествознания и его метода. Известный физик, занимающийся проблемами человеческого сознания, Роджер Пенроуз делает аналогичные выводы по поводу возможностей вычислимости деятельности человеческого сознания. Заканчивая одну из своих работ, посвященных анализу человеческого понимания, он отмечает: «Похоже, что у нас нет иного выхода, кроме как однозначно заключить, что некую существенную составляющую человеческого понимания невозможно смоделировать никакими вычислительными средствами» [2, с. 231]. Под этой существенной частью работы человеческого мозга Пенроуз понимал высшие сферы деятельности мозга, которые в нейрофизиологии и психологии называют *qualia*.

4. Возвращаясь к Хайдеггеру

В первой части статьи мы предположили, что немецкий философ убедившись в том, что современное естествознание не может выступить в качестве науки, способной послужить основой исследования человека, тем не менее не думает отказываться от естествознания. Но для того, чтобы естествознание могло включить в себя человека, оно должно быть модифицировано. В нашей статье было выдвинуто предположение, что Хайдеггер ищет синтез современного естествознания с экзистенциальными факторами, способными «очеловечить» науку.

Осуществить синтез в каждом конкретном случае не просто. Сам Хайдеггер после предпринятых им попыток синтеза восклицает: «*Становится очевидной вся пропасть, между естествознанием и рассмотрением человека*» [5, с. 59]. Это высказывание немецкого философа можно считать ключевым для его проекта создания новой науки.

Человек как предмет естествознания — это одно. Естествознание исследует тело человека, например его головной мозг. Но это мало что даст для понимания поведения человека в бытии с другими, равно как и для понимания мотивов его поступков, привычек и забот. Для того, чтобы это узнать, мы должны анализировать его экзистенцию. Человек, его мысли и душа не раскроются нам,

если мы будем исследовать человека естествознания. «Говорят, что предметом естественнонаучных исследований может быть некоторая часть человека, то, что в человеке является природой... При этом добавляют, что к главному в человеческом бытии с естественнонаучных позиций подходить нельзя... Конечно, человека можно рассматривать и естественнонаучным образом. Но остается вопрос, обнаруживается ли тогда еще что-то человеческое в этом рассмотрении, что касается человека как человека [5, с. 61].

Мы уже писали о том, что немецкий философ упрекал представителей современного естествознания в недостаточной самокритичности. Для физика его наука является единственным источником строгого научного знания. Но как можно получить знания о человеке, обладающего экзистенциальным статусом, из естественнонаучного проекта его исследования, если все это исследование проводилось без учета того сущего, которое мы полагаем экзистенциальным человеком? В первой части статьи уже упоминалось, что Хайдеггер, считал, что проект природы, ее предмет, очерченный Галилеем и Ньютоном, был выдвинут в качестве гипотезы, с учетом определения законов, в соответствии с которыми точечные массы движутся в пространстве и времени, но вовсе не с учетом того сущего, которое мы называем человеком [5, с. 59]. Цитируем Хайдеггера: «В рамках естественнонаучного проекта мы можем видеть человека лишь как природное существо; это значит, что мы притязаем на то, чтобы определять человеческое бытие с помощью метода, который разработан вовсе не для его особой сущности» [там же].

Чтобы заполнить «пропасть» между рассмотрением человека как экзистирующего существа и человека как естественнонаучного, природного существа, следует вернуться к идее хайдеггеровского синтеза. Приведем пример, в котором Хайдеггер пытается реализовать попытку осуществляемого им синтеза, разрабатывая проблему времени.

Анализируя эту проблему, Хайдеггер не принимает физического истолкования времени в качестве решения проблемы природы времени. «Ни естествознание, ни антропоогия не ведут по пути, позволяющему что-то сказать о самом времени. Поэтому...мы вынуждены мыслить философски, пишет он [5, с. 103]. В физическом познании время трактуется как последовательность «сейчас». И можно было бы пойти по пути рассмотрения этой традиции подробно, пишет Хайдеггер, начиная с Платона и кончая Ницше. Но немецкий философ избирает другой путь. Чтобы подступиться

к исследованию природы времени, считает он, прежде всего нужно решить вопрос: Может ли время, которое есть у нас, в нашем повседневном человеческом историческом существовании — то есть время, которое даровано нам в бытии с другими и в бытии друг для друга, выведено из последовательности «сейчас» или же наоборот, время как последовательность «сейчас» основывается на нивелировании истинного времени?» [там же].

Далее он усиливает свое скептическое отношение к трактовке времени в естествознании. Он ставит вопрос, который содержит в себе два альтернативных ответа. 1) Годится ли вообще принятое в естествознании понятие времени для разъяснения отношения ко времени экзистирующего человека? Или же наоборот: 2) Понятие времени, служащее мерилем для естествознания, как раз преграждает путь к рассмотрению отношений человека и времени, и тем самым мешает тому, чтобы надлежащим образом поставить вопрос о своеобразии времени?» [там же]. Весь дальнейший ход размышлений Хайдеггера показывает, что для него верным ответом является вторая часть цитаты.

Вместе с тем, Хайдеггер отнюдь не отказывает науке в праве исследовать природу времени. Напротив, он отводит научному познанию значительную роль в осмыслении этого вопроса. «Тем не менее, — замечает он, — мы не вступаем в философскую тематику непосредственно, а позволяем себе быть ведомыми упомянутыми...точками зрения: экзистенцией человека и естествознанием» [там же]. Он подчеркивает, что, по-видимому, наука не будучи способной подменить собою философию в выяснении природы времени, тем не менее вносит позитивный вклад в результаты философского исследования. Иными словами: необходим синтез двух подходов.

Немецкий философ отдает приоритет философии и экзистенциальному подходу, ставя их на первое место, что дает повод участникам цолликовских семинаров — обрзованным в естественнонаучном плане врачам — упрекать Хайдеггера в том, что он враждебен науке. Интересен один из семинаров, на котором его участники упрекали Хайдеггера в его враждебности к науке. Этот семинар был посвящен Dasine аналитике и Dasine анализу.

Но мы оставим этот вопрос в стороне, и не будем рассматривать его здесь, поскольку обращение к нему означало бы отход от основной темы статьи. Отсылаем читателя к работе С. Неретиной и А. Огурцова [9, с. 495–540]. При этом хотелось бы обратить внимание на некоторые идеи Хайдеггера,

содержащиеся в цитируемой книге, которые несомненно привлекут внимание читателя их работы. «Временение бытия»; подчеркивание важности задачи разработки идеи темпоральности бытия; принадлежащая Августину мысль о скоротечности времени, которое чуть явившись, скрывается. (Недаром Августин определял время через просвет и промельк [там же, с. 497]). Четкое определение Dasine, цитируемое в работе двух авторов: «Это сущее, которое есть мы сами и которое бытием призвано к тому, чтобы пребывать в просвете бытия» [там же, с. 405]. Временность как смысл бытия [там же, с. 504]. Все эти разработки авторов будут несомненно восприняты читателями как проясняющие сложные тексты Хайдеггера и смысл обсуждаемых им проблем.

Вернемся вновь к синтезу. Из рассуждений Хайдеггера остается непонятным: *где же в его решении проблемы времени синтез?* Каков его механизм? Если великий философ считает, что мы уже создали синтез, просто указав на необходимость сочетания естественнонаучного и экзистенциального подходов к решению проблемы времени, то, думается, что этого недостаточно. Хотелось бы, чтобы был указан *механизм* синтеза, тот инструмент, который превращает чисто словесное сочетание двух рядоположенных начал в нечто единое, способное заполнить ту «пропасть», которую увидел Хайдеггер между естественнонаучной интерпретацией человека и интерпретацией экзистирующего человека, человека, в котором главным является человеческое.

Обратившись к химии можно усмотреть аналогию между такими понятиями как смесь, когда два или более компонента остаются

самостоятельными, не взаимодействуя друг с другом и химическим синтезом, когда речь идет не просто о смеси, а со случаем, когда эти элементы взаимодействуют, вступают в реакции, образуя новые вещества. При, отсутствии взаимодействия в некоей среде могут существовать отдельные элементы таблицы Менделеева, такие как водород и кислород. Взаимодействуя, они могут породить новое вещество — воду, обладающую новыми свойствами по сравнению с отдельными элементами. Представляется, что в случае с проблемой хайдеггеровского синтеза, мы нуждаемся именно в таком синтезе, какой мы имеем в случае получения химических соединений, типа воды.

И повторим снова свой вопрос: что же является механизмом синтеза в случае решения хайдеггеровской проблемы? Истинным временем для Хайдеггера является экзистенциальное время. Экзистенциальное время не включает в себя естественнонаучного времени, времени как последовательности «сейчас». Но оно включает в себя результат *считывания времени с часов*. При считывании с часов мы имеем дело со временем экзистирующего человека. И вместе с тем, это считывание реализуется и в естественнонаучной концепции времени, в виде одного из «сейчас» в физическом определении этого понятия... Возможно, в считывании времени с часов и состоит *механизм* синтеза?

На этом мы пока поставим точку. Вопрос о механизме хайдеггеровского синтеза требует дальнейших размышлений, которые должны быть продолжены. Что ж, философия Хайдеггера это целый океан, который будут еще долго изучать. И многие вопросы могут все равно так и остаться открытыми.

Список литературы

1. *Гейзенберг Вернер*. Шаги за горизонт. Перевод с нем. // Составитель А.В. Ахутин. Общая редакция и вступительная статья Н.Ф. Овчинникова. М.: Прогресс, 1987, — 368 с.
2. *Пенроуз Роджер*. Тени разума. В поисках науки о сознании. Часть 1. Понимание разума и новая физика. Москва-Ижевск, 2003. — 367 с.
3. *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // М. Хайдеггер. Время и бытие Статьи и выступления. Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика 1993. — 447 с.
4. *Хайдеггер М.* Наука и осмысление // М. Хайдеггер. Время и Бытие. Пер с нем. В.В. Бибихина, М., Республика, 1993. — 447 с.
5. *Хайдеггер М.* Цолликоновские семинары. Протоколы — Беседы — Письма. Перевод с немецкого И.Г. Глухой под редакцией Т.В. Шитцевой. — Вильнюс: Европейский Гуманитарный Университет, 2012. — 405 с.
6. *Casimir H.B.G.* The relations between science and technology // History of Twentieth Century Physics. N.Y. and London, 1977.
7. *Husserl E.* Die Krisis der Europaischen Wissenschaften und die Transzendente Phaenomenologie. Hamburg, 1977, S. 4
8. *Manin Yu.* Mathematical knowledge: Internal, Social and Cultural Aspects /Comissioned for vol. 2 of «Mathematics and Culture» ed. By Bartocci and P.Odifreddi arXiv: math/O703427 v1 [math.HO], P. 3
9. *Неретина С. Огурцов А.* Онтология процесса. Гл. 6. М. Хайдеггер и альтернативность трактовок историчности // М.: ГОЛОС, 2014. — 706 с.

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Н.А. Печерская

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СУТИ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ПРЕПОДАВАНИЕ ТЕОЛОГИИ В СВЕТСКОМ ВУЗЕ

Аннотация. Преподавание теологии в России — прогресс в российском образовании и в российской науке, но оно несет ответственность за представление Православия не только как мистического учения, но и как источника понятных, ярких и значимых идеалов, позволяющих молодежи жить полноценной жизнью в меняющемся мире. В таком случае теологическое образование становится тем образованием-обновлением и той помощью, к которой человек может прибегать на протяжении всей жизни.

Ключевые слова: цели и задачи преподавания теологии, образовательные программы, подготовка преподавательских кадров, наука, культура, вера, воспитание.

N.A. Pecherskaya

RETURN TO THE ESSENCE OF EDUCATION IN RUSSIA: TEACHING THEOLOGY IN SECULAR INSTITUTE

Summary. Teaching theology in Russia is progress in Russian education and in Russian science, but it is responsible for representing Orthodoxy not only as a mystical teaching, but also as a source of understandable, vivid and significant ideals that allow young people to live a full life in a changing world. In this case, theological education becomes that renewal education and that help that a person can resort to throughout life.

Key words: goals and objectives of teaching theology, educational programs, teacher training, science, culture, faith, upbringing.

Человека всегда волновали два круга вопросов: о мире — его происхождении, сущности и закономерностях, и о себе — природе человека, смысле его существования. Ответы на второй круг вопросов определяют понимание того, как надо жить. А так как жить значит поступать, действовать, то, следовательно, ценностный аспект поступка зависит от того, по отношению к какому действующему канону он рассматривается, т.е. опираясь на какие идеалы оценивается тот или иной поступок. Именно поэтому человечество всегда напряженно искало нравственных героев, желая в них увидеть идеал. Таким явился для многих Иисус Христос. Целью человеческой жизни стало стремление к совершенству через практическое исполнение принятых нравственных христианских норм и идеалов. Для этого человеку были необходимы твердые понятия о грехе и добродетели, так как только на основании этих понятий может быть выстроена личная и общественная жизнь,

достойная той высоты человеческой природы, которая ставит его выше животного существования. Таким образом, разговор о том, что хорошо и что плохо, о добре и зле всегда сводится к разговору о религии, о церкви, о вере, а приложение усилий для совершения добрых поступков ведет к этическому выбору. При этом христианская нравственность в своих фундаментальных вопросах всегда была и остается консервативной. И именно благодаря консерватизму она помогала и помогает человеку находить устойчивые пути в вечно меняющемся мире. И здесь уместно вспомнить слова апостола Павла (Рим. 12:2): «и не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего...». Потому что, говорит Свт. Иоанн Златоуст, образ этого века привержен к земле, низок, кратковременен, не имеет ничего возвышенного, постоянного, правильного, а всё извращённое. То есть, не принимайте понятия, жизненные и нравственные ценности, исходя из общего мнения, не

рассматривайте свое существование только с точки зрения земного и человеческого, а ориентируйтесь и думайте о вечном назначении человека. Именно с таких позиций и пойдет дальнейший разговор об образовании в области религии.

Проблема религиозного образования в нашей стране стоит необыкновенно остро. Всем памятно то сопротивление, которое встретила попытка ввести в общеобразовательных школах такой предмет, как «Основы православной культуры», который затем после долгих дебатов в обществе получил название «Основы религиозных культур и светской этики». Но если в школах этот вопрос был как-то решен в конце концов к 2012 году, то, на уровне вузовского образования полемика продолжается: как вписывается оно в стандарты высшего образования, способствует ли развитию молодого человека, куда направляет его мысли и интересы и т. д.

В октябре 2015 года согласно решению Высшей аттестационной комиссии (ВАК) «теология» стала официально научной специальностью. Выступая после этого на заседании Высшего церковного совета в Москве, Святейший Патриарх Кирилл заявил: «Хотел бы подчеркнуть важность признания государством теологии как научной специальности и создания диссертационных советов, экспертного совета ВАК. Это, конечно, прогресс в российском образовании и в российской науке. Очень важно, что этот прогресс обуславливается деидеологизацией нашего образования и науки».

Что кардинально нового произошло для науки и для теологии? Наконец, произошло признание специальности «теология» на уровне всей государственной машины, Министерства науки и образования РФ, Высшей аттестационной комиссии. Завершен процесс, начавшийся 20 лет назад, когда в конце 1992 года на волне демократических реформ, тогдашнее *Министерство науки, высшей школы и технической политики РФ* внесло направление «теология» в государственный образовательный классификатор. В течение двух десятков лет продолжались согласования, полемика, сложные переговоры, и вот, наконец, все они пришли к своему завершению. Завершилась процедура, которая узаконила специальность «теология» во всех ее содержательных моментах. Таким образом, появилась такая отрасль науки, как теология. И вот, спустя год, в 2016 году произошло еще одно важное событие: наряду с учеными степенями, присуждаемыми в философии, филологии, истории, искусствоведении, культурологии, педагогике, может присуждаться степень кандидата теологических наук. Таким образом, легитимно могут

быть созданы диссертационные советы по теологии, а выпускники теологических кафедр светских вузов могут подтверждать свою высшую квалификацию, защищая диссертации в этих советах. И в этом смысле, для меня, как человека, много лет занимающегося вопросами религиозно-теологического образования в светском контексте, была, наконец, поставлена точка.

Что же так долго тормозило процесс признания? Тормозили и неподготовленность общества, и нежелание чиновников. Однако сам процесс был начат даже не по инициативе Русской Православной Церкви. Попытки введения теологии в образовательный классификатор начались с усилий такого светского учебного заведения, как Свято-Тихоновский университет в Москве. Затем к этому движению сразу же присоединились несколько других высших учебных заведений, и, в частности, в Санкт-Петербурге, это — Санкт-Петербургский государственный университет, Институт «Высшая религиозно-философская школа», Русская христианская гуманитарная академия. Они первыми в 90-е стали ставить в светском образовании вопрос о религиозном образовании перед нашими министерскими чиновниками. Уже тогда в обществе ощущалась потребность вернуть по существу все, что связано с религией в образовательное пространство России. И тот факт, что специальность «теология» удалось провести по всем бюрократическим инстанциям, и получить одобрение ВАК — это конечно заслуга многих: и административных, и церковных, и общественных организаций, а также всех православных людей, которые много потрудились, чтобы это свершилось.

Сегодня и общество, и наука, и Церковь заинтересованы в признании теологии. Уже не осталось практически ни одной отрасли науки, в которых бы не было острой необходимости в специалистах, профессионалах, способных решать важные задачи современности с учетом религиозной проблематики. Самым сложным вопросом при этом остается подготовка специалистов, которые смогут на серьезном уровне подготавливать теологов. С одной стороны можно сказать, что время, начиная с 1992, прошло не напрасно. Стали появляться специалисты — выпускники тех светских вузов, которые на свой страх и риск первыми ввели в свои образовательные программы важнейшие элементы теологических дисциплин.

Выше я назвала только несколько из тех вузов, которые так поступили, но на самом деле их существенно больше. Существует целое множество образовательных учреждений, в которых уже

десятилетиями читаются теологические дисциплины в виде факультативов. Каждый из этих вузов, инициировавший в свое время и форсировавший изучение теологических дисциплин, по-своему решал вопрос образовательных программ, количества дисциплин и времени, отведенного на их преподавание. В этом была свобода первых поисков введения теологии в учебные программы светских вузов России, и это было важное время для создания новых методов, не копировавших западные подходы к преподаванию теологии в университетах.

Сейчас утверждены новые государственные стандарты по теологии для бакалавров, магистров и специалистов, в которых детально прописаны нормативы для образовательных учреждений, занимающихся преподаванием теологии. В частности, для преподавания профессиональных дисциплин нужно, по крайней мере, 60–70% укомплектованного штата тех работников, которые владеют аппаратом теологии. Выше мы говорили о светских институтах, которые первыми начали выпускать светских профессионалов-теологов. Сейчас начали получать государственную аккредитацию православные духовные академии. То есть те церковные высшие учебные заведения, которые готовят священнослужителей. Теперь те, кого они выпускают, тоже смогут принять участие в работе теологических кафедр и факультетов в университетах наряду со светскими специалистами. Ободряет, что количественно преподавателей теологии растет. Однако хорошо известно, что образование в духовных академиях сегодня разительно отличается от образования в светских вузах. И, как скоро выпускники церковных образовательных учреждений будут способны на современном уровне развития науки и культуры излагать материал для студентов светских вузов — это вопрос времени и реформ образования внутри церковной системы.

Отклики, вызванные признанием теологии наукой, вызвали разную реакцию в обществе: от жестких до очень приветственных. Часть образованных людей восприняли эту новость как откат к средневековью, мракобесию, как попытку церкви лоббировать свои идеологические интересы. Это свидетельствует о состоянии умов, и не только интеллигенции, а вообще общества в целом. Не случайно так долго шел процесс признания теологии на уровне государства. Огромное количество наших образованных ученых очень далеки от Бога, от Церкви, от понимания необходимости введения такого образовательного направления, как теология. Это не просто, когда 70 лет что-то уничтожается, а потом начинает возрождаться.

Мы помним, что десять наших академиков писали письмо Президенту РФ в 2005 году, о том, что происходит клерикализация образования и науки. Однако, несмотря на эти высказывания, процесс не остановился и наоборот, набирает обороты. Вот уже не только в общеобразовательных школах изучают Православие, но и в вузах вопросы изучения религии подняты на должную высоту. Богословие не имело статуса науки в России до нынешнего времени, не признавалось за порогом церковных учебных заведений, а теперь происходит возвращение прав этой христианской науки и ее вхождение в область гуманитарных и естественных наук.

Мы знаем свою историю и тот ужас, который претерпела страна из-за воинствующего атеизма, те преследования любых проявлений религиозности, физического уничтожения всех церквей разных конфессий, церковной культуры, искусства — все они сказываются по сей день и влияют на умонастроение людей. Даже самые образованные способны писать доносы, язвительные письма в адрес Церкви, в адрес людей, считающих необходимым вернуться к тому, что составляет национальное самосознание. Ведь национальное самосознание ни откуда не берется, а происходит от тех ценных для нашей цивилизации процессов, которые связаны с духовным наполнением — образованием и воспитанием. Цивилизационные вопросы занимали многих отечественных и западных исследователей. И все они приходят к тому, что главным условием выживания нации в мире — является ее духовная составляющая, которая тесно связана с системой образования. Цивилизационная проблематика в своих основаниях является духовной и требует гуманитарного решения, учитывающего сакральные ценности культуры, как основополагающие для будущего.

Духовная составляющая должна укрепляться, культивироваться, находить свое подтверждение в том мире, в котором мы живем. Современный мир приходит к нам во всей своей количественной и качественной полноте именно через образование, науку, культуру. Тот позитив, который есть в религиозном воспитании и теологическом образовании, все еще недостаточно известен широкой аудитории, а, если и известен, то, скорее всего в одиозной форме. В форме, которая неприятно навязывает кому-то что-то. Поэтому, если введение теологического стандарта приняло формальный вид государственных стандартов, то, возможно, это более спокойный и взвешенный способ возвращения к сути, к сути образования.

Какие трудности возникают в преподавании теологии в светских вузах? Какие вопросы это ставит перед духовно-нравственным воспитанием студентов? Осуществляемое при содействии РПЦ в рамках основных прав граждан и ценностей Конституции, преподавание теологии должно одновременно удовлетворять ожиданиям не только государства или Церкви, но и — вследствие уважения прав граждан — ожиданиям самих студентов. Начнем с последнего пункта.

Педагогически мыслит тот, для кого на первом месте всегда стоит студент как человек и личность. Мы видим, что студент со всех сторон используется для *своих* целей государством, Церковью, партиями, профессией. Все желают включить этого молодого человека в свою систему, требуют от него самоотдачи и плодов его труда.

Воспитание смотрит на ситуацию с противоположной стороны и спрашивает: помогают ли все они человеку расти? Если исходить из такой практики преподавания теологии в светском вузе, это означало бы, что в религиозной педагогике должны предприниматься попытки строить преподавание с учетом опыта молодых людей. Рядом с профессиональным образованием в таком случае теологическое образование могло бы стать той помощью, к которой человек прибегал на протяжении всей своей жизни.

Другими словами, преподавание на теологических кафедрах светских вузов не должно являться зеркалом богословских дисциплин и их содержания для духовных школ, семинарий или академий. Поэтому собственно название дисциплины не богословие, а теология! Безусловно, занятия должны включать в себя обсуждение Библии, истории церкви и многое другое, однако в значительной мере необходимо все это вовлекать в ход лекции или семинарского занятия, посвященного вопросам жизни и веры, а для современной ситуации технологически развитого общества — еще и науки. Это позволит поместить изучаемые религиозные тексты и темы в общий учебно-образовательный контекст.

Именно для этого нужны кафедры теологии в светских вузах. Преподавание на этих кафедрах помогает отыскивать соответствие между опытом веры и тем опытом и теми знаниями, которыми обладают современные люди. Вопрос ставится так: какие стороны нашей сегодняшней жизни окажутся затронутыми, если прочитать то или иное место из Евангелия? Какие проблемы научного предметного знания по сути соотносятся с религиозными вопросами? Речь идет о пересечении материала по изучению Библии с лекциями общегуманитарного

цикла дисциплин (истории, литературы, философии, культурологии, социологии, политологии и т.п.) и естественно-научного (информационные технологии, концепции современного естествознания), которые изучаются в каждом вузе для всех студентов в обязательном порядке в рамках государственного стандарта обучения по программам высшего образования.

Христос возложил на Церковь особую миссию в этом мире. Она должна быть общиной любви, свидетельства и служения *и во всех этих отношениях одновременно и постоянно* это Церковь, славящая и благодарящая Бога в богослужении. Но на занятиях в светских вузах педагоги находятся не в богослужебной ситуации, а в особой ситуации обращенности к миру — как к отдельному человеку, так и обществу в целом. Однако известно, что некоторые священники, которых приглашают в вузы, и не в меру усердные профессора-неофиты, только что пришедшие в Церковь, склонны превращать часы, отведенные на лекции, в молитвенные собрания. Следует понимать, что мы не можем исходить из того, что все студенты и студентки крещены в Православии. Все-таки надо понимать, что преподаватель в условиях светского вуза — это интерпретатор, чаще всего действующий в условиях неверия! К сожалению, в нашем обществе такое положение дел с верой в молодежной среде остается реальностью. Перед Церковью ставится вопрос: хочет ли она вести религиозно-педагогическую работу с такими студентами? И она отвечает положительно, выстояв борьбу за введение теологии в государственных вузах. Важно теперь не оттолкнуть самих обучающихся и привлечь их внимание по существу.

Преподавание в вузе по своей сути есть нечто принципиально отличающееся от миссионерской деятельности, катехизации и богослужения. Кроме того нельзя принуждать молодежь бездумно перенимать те или иные конфессиональные положения или суждения. В рамках теологических кафедр должны быть также циклы религиозоведческих предметов по выбору, которые позволят студентам познакомиться с точками зрения иных христианских конфессий, а также нехристианских религий и систем мировоззрения для того, чтобы они могли осознать свою собственную позицию.

Таким образом, теологические кафедры в светских вузах должны сочетать возможности религиозного воспитания, богословского и религиозоведческого представления материала, при этом важны все три компонента вместе. И тогда на спецкурсы, представляемые кафедрой теологии, потянутся не

только «свои» студенты с кафедры, которые обаянные их посещать, но и студенты других, нетеологических кафедр.

В преподавании в вузе на кафедре теологии педагог демонстрирует, принимает ли он всерьез каждого человека современного общества, точнее принимает ли он всерьез современного человека. Этого человека отвлекают многие вещи, он не знает Бога и очень мало осведомлен о Православии, зато ценит возможность самоопределения и независимости и, следовательно, не хочет, чтобы его кто-то опекал. Люди остаются людьми своего времени. Они *не понимают тех*, кто не принимает во внимание предпосылок сегодняшнего мышления. Они не хотят следовать за теми, кто хочет лишь опекать их.

Цели и задачи изучения учебных дисциплин на кафедрах теологии в светском вузе должны быть реалистичными. Будет достижением, если после них молодые люди перестанут рассматривать религиозную веру как нечто абсурдное. Это уже немало! Помимо этого посещения занятий цикла

профессиональных дисциплин вкупе с изучением цикла дисциплин, показывающих связь науки и религии, могут непосредственно подвести отдельных студентов к вере. Здесь очень многое зависит от личности преподавателя и его образования. Часто именно преподаватель представляет для студента единственную возможность живой и личной встречи с Богом и с Православием.

Преподавание религии в светском вузе на кафедрах теологии в России — пробный камень, как для Церкви, так и для государства. Государство ради своей же собственной пользы должно мириться с открытым и честным преподаванием теологии. Образование, которое предлагает читать и обсуждать евангельскую историю, изучать историю Русской святости, обсуждать вопросы науки и веры и другие вопросы в современном контексте развития науки и культуры, будет открывать все новые и новые горизонты. И это уже само по себе — очень много, поскольку библейские темы в наше кризисное время учат мышлению, подающему надежду.

Список литературы

1. *Печерская Н.А.* Значение духовно-исторического наследия для формирования национальной формы просвещения и образования в современной России // Тезисы выступления на Соборных слушаниях по теме «Преподобный Сергей — объединитель русских земель», Москва, храм Христа Спасителя, 24 апреля 2014.
2. *Печерская Н.А.* Задачи преподавания религии в контексте мировых интеграционных процессов и институциональных преобразований // «Science and World», Международный научный журнал, № 5(9), Волгоград, 2014, Том II, С. 68–77.
3. *Печерская Н.А.* Просвещение и образование в вопросах религии как основа предотвращения межнациональной или межрелигиозной розни // Сборник «Религия и гражданское общество: межконфессиональные и этнические конфликты в условиях геополитической конкуренции». Материалы XI международного семинара 5–10 ноября 2012 г., г. Ялта / Под ред. Т.А. Сенюшкиной. — Севастополь: Вебер, 2013. — 296 с.
4. *Печерская Н.А.* Социально-этический потенциал религиозного образования и воспитания // Современные исследования социальных проблем: Сборник статей Общероссийской научно-практической конференции. Вып. 2. «Общественно-социальные и политические исследования». — М.: ИНИОН РАН, 2009. — С. 145–148.
5. *Печерская Н.А., Черняков А.Г.* Роль диалога науки и религии в формировании образа науки XXI века // Материалы международной конференции «Наука на рубеже тысячелетий», 29–30 октября 2004, г. Тамбов. Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2004. — С. 92–93.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Н.Г. Кротовская, В.С. Кулагина-Ярцева

ПОНЯТИЕ «ЧЕЛОВЕК»: ОТ СТАТИЧНОГО К ДИНАМИЧНОМУ

Аннотация. Происходящие в современном мире процессы привели к потрясению основ классической западной философии. Привычный дуализм в постижении природы человека сменился бесконечными вариантами цифрового будущего. Одна из сегодняшних задач — это поиск трансцендентности человека, тело которого тесно взаимодействует с новыми направлениями современной технонауки, создающей информацию и дающей возможность обходиться без всякой органической и материальной основы, чтобы преодолеть темпоральные и пространственные ограничения. Наряду с переменами последних десятилетий, наука и искусство привели к появлению нового персонажа, а именно, посторганического человека (постчеловека). На человеческую жизнь постоянно воздействуют власть и знания, соответствующие определенным эпохам. В последние десятилетия подобное воздействие претерпевает серьезную трансформацию. Наибольшей трансформирующей силой обладают новые биомедицинские технологии, которые расширяют природу человека, ставя под вопрос устоявшиеся представления о ней. Все это вынуждает нас задавать вопрос: «Где кончается человек?» Сегодня уже не кажется фантастичным предположение, что в недалеком будущем определение человека сведется к некоторому объему оцифрованной информации.

Ключевые слова: технонаука, постчеловек, биоэтика, универсальность человека, Декарт, картезианский дуализм, биомедицинские технологии, ДНК, трансформация, искусственный интеллект.

N. G. Krotovskaya, V. S. Kulagina-Yartseva

THE CONCEPT OF «MAN»: FROM STATIC TO DYNAMIC

Summary. One of today's challenges is the search for the transcendence of man, whose body closely interacts with the new directions of modern technoscience, which creates the information and gives the opportunity to act without any organic and material basis to overcome temporal and spatial constraints. Along with the changes of the last decades, science and art have led to the emergence of a new character, namely, post-organic man (post-man). Human life is constantly influenced by the power and knowledge corresponding to certain epochs. Such impacts have undergone a major transformation in recent decades. The greatest transformative force is new biomedical technologies that undermine human nature, questioning the established ideas about it. This forces us to ask the question: Where does man end? Today it does not seem fantastic to assume that in the near future the definition of man will be reduced to a certain amount of digitized information.

Key words: technoscience, post-man, bioethics, universality of man, Descartes, Cartesian dualism, biomedical technology, DNA, transformation, artificial intelligence.

За последние двести-триста лет жизнь и природа претерпели столь серьезные изменения, что прежние определения человека сегодня утратили свою актуальность. Современный человек подвер-

жен самоконтролю, призван управлять своими рисками и удовольствиями в соответствии с собственным генетическим капиталом; он постоянно оценивает набор товаров и услуг, предлагаемых

на рынке, принимает на себя личную ответственность в мире, где царит автоматизированная логика самообслуживания и поверхностное внешнее подавляет скрытое внутреннее. Его постоянно терзает страх устаревания — как духовного «софта», так и телесного «железа», он брошен в водоворот постоянной актуализации, стремясь повысить свою гибкость и способность к повторному использованию.

Все эти процессы привели к потрясению основ классической западной философии. Привычный дуализм в постижении природы человека сменился бесконечными вариантами цифрового будущего. Это повлекло за собой тоску по определенности, по абсолютной реальности и неизменной идентичности прежних времен. Тоску по прежней бивалентности перед лицом непонятной поливалентности будущего. При этом следует иметь в виду, что под всеми этими нововведениями кроется их собственная метафизическая основа, поскольку идея информации представляется нематериальной сущностью всех вещей — живых и неживых, в том числе и человека, — с последующим обесцениванием органического тела со всеми его возможностями.

Одна из сегодняшних задач — это поиск трансцендентности человека, тело которого тесно взаимодействует с новыми направлениями современной технонауки, создающей информацию и дающей возможность обходиться без всякой органической и материальной основы, чтобы преодолеть темпоральные и пространственные ограничения.

В соответствии с этой перспективой биологическое воплощение человека оказывается не более чем исторической случайностью, а не характерной чертой, присущей жизни. С другой стороны, если «сущность» человечества — это информатика, то нет существенной разницы между компьютерами и человеческими существами, поскольку и те, и другие используют одну и ту же логику функционирования. Это концептуальное действие включается в существующее множество ресурсов, которые принадлежат посторганической, постбиологической и постчеловеческой вселенной.

Попытки определения

Вопрос о том, что такое человек, волновал философов с древнейших времен. Во времена античности человек поначалу мыслился только как часть космоса, не отделял себя от остальной природы и выступал, скорее, как некий инструмент, с помощью которого можно попытаться постичь

окружающий мир¹, и лишь впоследствии стал рассматриваться как самостоятельная сущность. В зависимости от эпохи и господствовавших в ней воззрений на первый план выступали те или иные характеристики человека. Одни мыслители считали сущность человека постижимой, другие настаивали на ее изначальной неопределимости², однако мало кто сомневался в том, что она существует.

Философами было предложено множество определений человека, порой весьма курьезных: существо бескрылое, двуногое, с плоскими ногтями, восприимчивое к знанию, основанному на рассуждениях (Платон), политическое животное (Аристотель), думающая вещь (Декарт), животное, пользующееся символами (Кассирер), мыслящий тростник (Паскаль), канат между животным и сверхчеловеком (Ницше) млекопитающее с мягкой мочкой уха (Гегель), драма (Ортега-и-Гассет); к человеку прилагалось множество эпитетов: играющий (Хейзинга), изображающий (Йонас), неумелый (Ортега-и-Гассет), человек-путник (Марсель). Этот список можно продолжать.

Декарт

Огромный вклад в формирование современного представления о человеке внес Декарт. Картезианский дуализм оставил неизгладимое клеймо на западной мысли о человеке, разделив его на две составляющие, различные и обособленные: разум и тело. Декарт, таким образом, сформулировал тайну, породившую бесчисленные теории и гипотезы, но оставшуюся нераскрытой: какова природа сознания и каково его соотношение с материальным миром?

Сочетая христианскую философию с научными открытиями своего времени, Декарт дал определение человека как соединения совершенно различных и раздельных субстанций: с одной стороны, тело-машина, природный объект, который следует изучать научными методами, с другой стороны — таинственный человеческий разум, мыслящий дух, возможно, божественного происхождения. Обе субстанции взаимодействуют, но философ не может объяснить, каким образом; он может только

¹ Сюда, несомненно, следует отнести определение Протагора «Человек есть мера всех вещей».

² В сочинении Пико делла Мирандолы (1496) Бог, обращаясь к человеку, говорит: «Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие, божественные...». [6, с. 249].

подтвердить существование нематериальной субстанции, которая находится в мозге, что имеет для человека фундаментальное значение: «мыслию, следовательно, существую».

Определяя человеческое тело, Декарт как человек своего времени постоянно обращается к аналогиям с гидравлическими механизмами, часами и автоматическими устройствами. Отсюда идеи и метафоры дуализма тела-разума.

Декарт отмечает, что — в отличие от прозаически материального тела — поток мнений, чувств, желаний и размышлений, идущих из души, не занимает места. То есть, сущность человека оказывается чистой нематериальной субстанцией¹.

Пытаясь объяснить несомненное слияние духовного «я» и механического тела, философ приходит к выводу, что разум в состоянии пережить разрушение тела (по крайней мере, теоретически), но отметил, что «подлинное человеческое существо» состоит из обоих элементов. В последние годы жизни Декарта, уже закончившего свои самые значительные труды, занимал именно этот вопрос. Это заставило его исследовать самые иррациональные проявления разума, а именно, чувства и эмоции. Плодом этих размышлений стала его последняя работа, написанная в 1649 году, со значимым названием «Страсти души». По словам английского философа Джона Коттингэма [2], как эта книга, так и письма, написанные в это время Декартом, отражают удивление, которое у него вызывают такие психофизические проявления как голод, боль, чувственная любовь.

Отказываясь понять связь тела и духа в подобных ситуациях, Декарт просто отмечает, что человек не может быть сведен к нематериальному разуму, соединенному с механическим телом, речь идет о едином существе. В этом сплаве двух «веществ» есть нечто сущностное, ускользающее от любых объяснений.

Итак, человек является материальным существом, его тело воздействует на материальную среду и само подвергается ее воздействию. Человек — живое существо с внутренней целью, он стремится сохранить себя неповрежденным в окружающей среде. Он также является психологическим существом со своим собственным разумом и со своим внутренним взглядом. Он представляет собой социальное и этическое существо с развитыми эмоциями и чувствами, с личными свойствами, которые развиваются и становятся острее в социальной

среде. Этическая ситуация ведет не только к усилению его собственной духовной сущности, но и к признанию той же сущности в других.

Механистический мир

Человек является и религиозным существом, кроме того, он — рациональное существо, старющееся узнать себя, оценивающее свое мышление и действия.

Раньше мир — как и сам человек — мыслился в терминах механики, как огромные часы, которые можно и нужно «смазывать» и усовершенствовать. По мере развития техники механизмы, автоматически выполняющие свои функции, начинают сообщать свои ритмы, свою регулярность и точность телам и привычкам людей, так что спустя некоторое время все движения человека оказываются сведены к чисто механическим.

Задолго до XX века появились опасения и тревоги относительно возможного подчинения человека машине. В частности, англичанин Сэмюэль Батлер еще в 1863 г. призывал к полному уничтожению механической жизни, чтобы не дать машинам — более совершенным и эффективным, чем мы сами, — поработить человечество (Речь шла всего лишь о вытеснении напольных часов портативными).

Сегодня мир мыслится в терминах информатики, как огромная компьютерная программа, которую можно и нужно редактировать и модифицировать во имя эффективности и других ценностей маркетинга в соответствии с потребностями общественного проекта, который стоит на повестке дня и призван создать определенные виды знаний путем выдвижения определенных проблем и предложения определенных решений.

В XVII веке, когда вселенная, воспринимаемая как огромный часовой механизм, стала объясняемой и управляемой, наука посвящала себя наблюдению мира, функционирующего в соответствии с рядом законов точно определенных и имеющих универсальную ценность, в котором все части синхронизированы как в самом сыгранном оркестре. Но в этой механистической космологии вопрос о происхождении отсутствовал. От животных, которых Рене Декарт представлял в виде автоматов, до закона всемирного тяготения Исаака Ньютона, солнечной системы Галилея и человека-машины Ламетри, все представало готовыми, полностью функционирующими структурами. Поэтому перед мыслителями того времени встал сложный вопрос о происхождении вселенной. Научная космология сохраняла заметные следы деизма: Бог, словно

¹ Эта метафизическая идеализация человека неожиданно воскресла в информационных сетях в соответствии с новой парадигмой технауки (старинной оппозиции тело/душа соответствует *hardware/software*).

умелый часовщик, создал и завел гигантские все-ленские часы, и после этого величайшего начального действия Творец удалился, оставив механизм функционирующим вечно.

Ответ на вопрос о происхождении человека был дан в 1859 году английским биологом Чарльзом Дарвином. После опубликования «Происхождения видов» мир девятнадцатого века получил объяснение на уровне своих потребностей, объяснение, касавшееся сферы, наиболее противостоящей всеобщей механизации: царства живого. Несмотря на вызванную полемику, книга предлагала космологию, адекватную той эпохе: человек представал на страницах этой книги как животное в жесткой конкуренции с остальными и в борьбе за господство ради выживания. Действительно, образ был довольно жестоким: добропорядочный гражданин буржуазного общества представляет собой обезьяноподобный вид, который мыслится как плод случайности: ему предназначено быть превзойденным и неизбежно исчезнуть. И все же такие понятия как естественный отбор и борьба за выживание узаконивали новый социополитический и экономический порядок.

Чтобы соответствовать ритмам и требованиям XIX века, природа была переосмыслена. На страницах книги Дарвина она возникла как жестокая арена борьбы, где рождение оказывается случайностью, а уверенным можно быть единственно в смерти. Однако сегодня мы знаем иную вселенную, поскольку утверждения относительно жизни и смерти претерпели изменения: сегодня первый член этой пары — рождение — может быть спланированным, в то время как второй — смерть — остается неизбежным приговором, во всяком случае, на горизонте нашей технотнауки¹. Следовательно, мы можем утверждать, что природа, которая соответствовала развитию индустриального капитализма тоже проходит процесс реконфигурации.

Технотнаука

В мире XXI века в результате технотнаучного вмешательства в биосферу ежедневно исчезают биологические виды. Создавая новый вид, древняя природа медлила миллион лет, в то время как

¹ Технотнаука — термин, появившийся в научной литературе в 80-х гг. XX века и характеризующий существующий в развитых странах тип взаимодействия науки, технологии и общества. В первую очередь, имеется в виду новая форма производства знаний, когда традиционные аспекты этой деятельности — открытие и обоснование знания — теряют самостоятельность и ориентированы на удовлетворение потребностей общества. Которые трактуются, прежде всего, в контексте развития высокотехнологического бизнеса.

сам вид существовал от двух до четырех миллионов лет. Сегодня не только вымирание идет гораздо быстрее: благодаря генетической инженерии создание новых видов с помощью неприродных подходов тоже обещает стать привычным.

В 1996 году на планете Земля начинают появляться генетически модифицированные организмы, как растительные, так и животные. Большинство их произведено, запатентовано и продано небольшим количеством международных компаний. В настоящее время их лаборатории создают тысячи новых образцов, большинство которых уже получили патенты интеллектуальной собственности или ожидают их. Речь идет о настоящих гонках в создании инновационных «продуктов» с твердым намерением завоевать хорошее место на глобальных рынках агробизнеса. Как известно, человек как вид не исключен из этого проекта, совсем напротив: потенциальная прибыль от его генома неисчислима, особенно для биомедицинской промышленности и фармацевтики, он вызывает больше ожиданий (и полемики), чем любой другой биотехнологический проект. Цель современной технотнауки — преодолеть границы материи, выйти за рамки ограничений, присущих человеческому организму, в поисках виртуально вечной сути.

Эту тенденцию можно обнаружить в «Манифесте футуризма», литературном завещании одного из самых полемических эстетических авангардных течений первой половины XX века. Текст, подписанный поэтом Филиппо Маринетти, с жаром приветствовал возможности, открытые индустриальной техникой, и предлагал «гигиену мира» с помощью механических устройств, с намерением создать вид «не-человека»².

«Преодолеть основные параметры человеческой природы — конечность человека, его случайность, смертность, телесность, его животную сущность, экзистенциальный предел», — утверждает Эрминьо Мартинс из Лондонской школы экономики [17].

Как в обещаниях, так и в выполнении некоторых биотехнологических и телеинформационных программ явно прослеживается намерение превзойти человеческую природу, недостатки органического тела, пространственные ограничения и темпоральные производные его материальности.

На смену «уставшим мускулам» старого индустриального общества в современном мире пришли «расстроенные нервы» и «модифицированные гены». Покорные тела, моделью для которых служил механический робот, подвергаются оцифров-

² Ср. Ф. Ницше. «Человек есть нечто, что должно превзойти». Он же: «Мы устали от человека» [5].

ке. В фильме «Новые времена» движениями Чарли Чаплина словно управляет зубчатый механизм. В наше время стало очевидно, что такое тело устало: на повестке дня сейчас другие ритмы и жесты.

Какая форма человека сегодня предпочтительна? Ответ, на первый взгляд, прост, хотя при более внимательном рассмотрении простота оказывается мнимой. Предпочтение сегодня отдается такой разновидности человека, которую современное общество считает наиболее подходящей для своего функционирования. То есть, человек, который при воспроизводстве совершает минимум ошибок и сбоек и наилучшим образом совместим с информационными атрибутами современного мира.

Под действием информационной и биотехнической риторики современные организмы превращаются в тела, которые связаны друг с другом, стремятся потреблять, испытывают тревогу и перепады настроения. И, разумеется, являются полезными. Они связаны цифровыми технологиями и приводятся в движение набором последних неорганических устройств. При этом сущность этих тел представляется нематериальной. Ее составляет чистая информация, которую возможно поместить в архив компьютера, или измененная генетическая основа, в которой исправлены случайные ошибки, встроенные в ее код, основа, совместимая с другими организмами или с разнообразными электронными устройствами. Такое превращение во имя эффективности всегда нацелено на рост производительности путем замены или добавления необходимых элементов — словом, на апгрейд.

Речь идет уже не о телах, превращенных в рабочую силу в процессе упорной тренировки и в условиях суровой дисциплины, чтобы соответствовать запросам промышленного производства, и не о душах, болезненно погруженных в психоаналитические глубины, в познание своего Я.

Постчеловек

Предлагая растворение материи в свете, в электрических импульсах, которые представляют собой источник жизненной силы как для машин, так и для организмов, отрегулированных технаукой, новая перспектива, которая осуществляет превращение атомов в байты, уже анонсирована «цифровым гуру» Николасом Негропonte¹ в его книге «Beeing Digital» (1995). Он объясняет, что байты представляют собой «ДНК информации» и предвещают неизбежное превращение всех элементов,

¹ Nicolas Negroponte — специалист по информатике, профессор Массачусетского Технологического института.

составляющих *материальную* реальность, в эту виртуальную субстанцию. Материальный мир, состоящий из атомов — «это пространство явно аналоговое», делает сравнение Негропonte.

В 1950 году Норберт Винер, основоположник кибернетики и автор, наряду с Клодом Шенноном, теории информации, заявлял, что теоретически возможно «телеграфировать» человека. Винер показал, что «сущностная информация определенного элемента может быть различными способами дематериализована и передана без искажений». С этого момента идея дематериализации информации характеризует нашу эпоху и отмечает все дискурсы этой тематики.

Таким образом, информация приобретает универсальную актуальность, она преобразуется в общий знаменатель всех объектов (как живых, так и неживых) и достигает превосходства над материей. Когда это понятие начинает применяться к человеческой сфере, становится неизбежным предположение, что органическое тело не составляет части «сущности» человека.

Наряду с переменами последних десятилетий, наука и искусство привели к появлению нового персонажа, а именно, посторганического человека (постчеловека). По этому поводу П.С. Гуревич писал: «Постчеловек (post human) — это потомок человека, модифицированный до такой степени, что уже не является человеком. Идеал постчеловека выглядит, в описании трансгуманистов, так: «в качестве постчеловека вы будете обладать умственными и физическими возможностями, далеко превосходящими возможности любого немодифицированного человека. Вы будете умнее, чем любой человек-гений, и будете обладать намного более совершенной памятью. Ваше тело не будет подвержено заболеваниям, и оно не будет разрушаться с возрастом, что обеспечит вам неограниченную молодость и энергию. Вы в гораздо большей степени будете способны испытывать эмоции, удовольствие и любовь или восхищаться красотой. Вам не придется испытывать усталость или скуку и раздражаться по мелочам».

В итоге постлюди могут оказаться полностью искусственными созданиями (основанными на искусственном интеллекте) или результатом большого числа изменений и улучшений биологии человека или трансчеловека. Некоторые постлюди могут даже найти для себя полезным отказаться от собственного тела и жить в качестве информационных структур в гигантских сверхбыстрых компьютерных сетях. Иногда говорят, что мы, люди, не способны представить себе, что значит быть постчеловеком, дела

и стремления которых могут оказаться так же недоступны нашему пониманию, как обезьяне не понять сложности человеческой жизни. Коммерциализация геномных исследований создает новый спектр морально-правовых проблем, пересекающихся отчасти с проблемами бизнес-этики.

Компьютерная революция сопряжена с настижением на человеческое тело. Белковая форма жизни оказывается под угрозой в связи с массовым внедрением машин и механизмов. Перспективы геной инженерии, совершенствование средств, ведущих к искусственному производству потомства, изобретение препаратов, изменяющих личность, трансплантация органов, в особенности искусственных, — все это, разумеется, разрушает традиционное представление о биологической природе человека. И вместе с тем, как никогда ранее, показывает чрезвычайную сложность человека, его уникальность как явления природы, его хрупкость. Если наука способна заменить сердце «пламенным мотором», приделать «стальные руки-крылья», заменить мозг компьютерным устройством, то, естественно, возникает вопрос, а что в человеке собственно «специфически человеческого». Иначе говоря, что в человеке такого, что нельзя удалить, изменить, превратить в трансплантат?» [2]

В течение многих веков в западной традиции господствовало радикальное различие между *physis* и *techne* (в греческих терминах), или между *natura* и *ars* (в латинских терминах), или *естественным* и *искусственным*. С одной стороны, существо, которое есть начало своего собственного движения, с другой — действия человека, направленные на то, чтобы использовать, имитировать и расширять достижения природного. Два мира, явно различных, почти антагонистических.

В 1973 г. Клеман Росс опубликовал книгу «Антиприрода» [18], в которой разоблачал метафизические корни, скрытые в старой концепции, ряд верований, поощрявших сомнительную мораль власти. «Природы не существует, — утверждал французский философ, — или она представляет собой лишь обстоятельства, благодаря которым она принадлежит как к миру физическому, так и человеческому». Несколько позже, в 1980 г., Донна Харауэй написала «Манифест киборгов» [11], где среди прочих очерков был один с красноречивым названием: «Реорганизация природы». Задолго до новых процессов органо-технологической гибридизации она предложила воссоздание тел и индивидуальностей с политическими целями, призывая как сопротивляться смертоносным возможностям новых технонаучных схем, так и усваивать их

возможную жизненность ради собственной пользы: «наши машины угрожающе живы», провоцирует она, «а мы ужасно инертны». Действительно, за последние триста-четырееста лет жизнь и природа, благодаря достижениям технотнауки, подверглись таким изменениям, что, кажется, уже не всегда совпадают со своими древними определениями.

Пройдя рубеж знакового 2000 года, некоторые молекулярные биологи полагают, что роль домоллекулярной биологии в первой половине XX века состояла в том, чтобы отретушировать линию, начатую Дарвином, ее историческая функция была в том, чтобы предоставить химическую базу, на которой могла расцвести молекулярная биология.

Открытие ДНК

Большой шаг вперед был сделан молекулярной теорией с открытием генетического кода. В 1953 было совершено фундаментальное открытие: структура молекулы ДНК, то есть биохимического текста, в котором закодированы особенности происхождения каждого индивида. Тайна жизни начинает расшифровываться: дело просто в информации, текст *кодирован* на биохимической основе.

Этот язык, расшифрованный около 70-ти лет назад, универсален: все клетки всех живых существ содержат «руководство», записанное одним и тем же кодом, который позволяет воспроизвести его с сохранением кинетической информации.

Началась расшифровка алфавита жизни, которую можно сравнить с прочтением пресловутого Розеттского камня. Четыре химических символа, составляющих этот алфавит, в состоянии охватить бесконечные комбинации в двойной спирали ДНК. Тот, кто сумел понять этот язык, оказывался в состоянии уловить «сущность» всех организмов, какие существовали на планете, начиная с первого живого существа, появившегося на Земле 3500 миллионов лет назад.

Молекулярная биология заложила основы цифровой модели человеческого тела и всей живой вселенной.

Человек в конечном итоге оказался сведенным к трем тысячам миллионов знаков, составляющих его геном, и эти знаки идентичны тем, что составляют все остальные живые существа, с которыми он делит эту планету. Как отмечает биолог Манфред Эйген, человек отличается от кишечной палочки не из-за очень действенной химии, но благодаря содержащейся информации гораздо более обширной (фактически, в тысячу раз большей, чем у этой бактерии) [16].

В фильме режиссера Стивена Спилберга «Парк Юрского периода», первая часть которого вышла в 1993 году, группа ученых воссоздает динозавров на основе ДНК москитов, которые пили кровь динозавров, а потом, увязнув в древесной смоле, сохранились в ней. Осуществим ли такой проект? В начале 2005 года средства массовой информации всего мира распространили сообщение, вновь содержащее этот вопрос: группа археологов из Соединенных Штатов обнаружила мягкие ткани с сохранившимися кровеносными сосудами и клетками в ископаемых останках *Tyrannosaurus rex*, свирепого динозавра, вымершего несколько десятков миллионов лет назад. Ученые заявили, что необходимо провести различные исследования, чтобы установить, возможно ли выделить фрагменты генетического кода из найденных останков. До этой находки специалисты в этой области утверждали, что снятое Спилбергом — чистая фантазия, которую невозможно воплотить в реальность, поскольку хрупкий генетический материал не способен уцелеть в таких условиях. Но и тогда рассматривалась возможность получить экземпляр с характеристиками, похожими на динозавра, другим методом: изменив ДНК современной птицы, скажем, курицы или ласточки. По словам Дэвида Стерна, биолога-эволюциониста из Стэнфордского университета, многие существующие гены очень похожи или даже идентичны генам давно вымерших видов.

Это означает, что барьер, который разделял различные виды, можно пересечь, преодолеть раскол между природным и искусственным, коренным образом изменить западную мысль, существовавшую веками.

Благодаря новым достижениям науки природа стала терять свою традиционную непрозрачность и типично *аналоговую* жесткость. Таким образом, она тоже присоединилась к процессу универсальной *оцифровки*.

Связь молекулярной биологии с информационными и биотехнологическими арсеналами обещала дать начало волшебному рецепту, согласно которому можно будет получить эликсир долгой жизни как универсальную панацею: интенсификация знаний о процессе возникновения информации, которая произошла за последние двадцать лет начинает приносить плоды, утверждает биолог Манфред Эйген. Мы можем создавать новые виды лекарств, понять онтогенетический уровень живых существ и будем в состоянии, например, удалить опухоль, вызванную деградацией. Кроме этого, существует еще много возможностей: «мы сможем изучать и моделировать нашу нервную систему

и ее действия; искусственная жизнь и мыслящие компьютеры не будут больше принадлежать научной фантастике, почти невозможно оценить воздействие всего этого на нашу жизнь».

Джеймс Уотсон, американский биолог, один из первооткрывателей структуры ДНК в 1953 году, взявший на себя в 1989 году руководство проектом генома человека, произнес фразу, которая стала настоящим символом новой научной парадигмы: судьба человека теперь написана не на звездах, она написана в наших генах [8].

Цифровизация

Мечта о том, чтобы совместить пару *тело/разум* человека с парой *hardware/software* компьютера начала осуществляться в девяностых годах при попытке создать *искусственные нейронные сети*, способные имитировать в электронном виде функционирование мозга. Словарь современной технауки, согласно которому передача от нейрона к нейрону происходит посредством электронных импульсов, открывает путь для обдумывания возможного взаимодействия мозга и компьютера. Используя ту же самую логику и основывающиеся на схожей структуре, обе сущности могли бы объединиться и логически взаимодействовать, обмениваясь данными и действуя совместно. На самом деле это уже происходит в биочипах. Хотя это органико-электронное взаимодействие было осуществлено в лабораториях не так давно, оно и прежде встречалось в научной фантастике: эта идея представлена в таких разных фильмах, как «Матрица», «Вспомнить все», «Джонни мнемоник», «Вечное сияние чистого разума» и многих других.

Можно привести самые разные примеры различной степени вмешательства *искусственного* в *естественное*. Скажем, победительницы различных конкурсов в последние десятилетия — это скорее произведение пластической хирургии, чем воплощение природной женской красоты.

Дмитрий Муратов, один из основателей «Новой газеты», пишет о себе:

«... второй вопрос: не робот ли я. Отвечу прямо: уже и не знаю. 30 октября прекрасный хирург Автандил Михайлович вставил мне в сердечную артерию пружину — стент. Так что я отчасти *iron-tan*, робот. Но только отчасти. Потому что вместе с вами хочется оставаться человеком» [4].

Стивен Хокинг, занимавший в Кембриджском университете должность, некогда принадлежавшую Исааку Ньютону, в одном из интервью однажды заявил, что информатика и биотехнологии увеличат

внутреннюю сложность человеческого тела настолько, что нам не придется ждать результатов неумолимо медленной биологической эволюции. Вместо того, чтобы ждать сотни тысяч лет, когда произойдет случайная мутация, можно будет получить желаемое изменение в лаборатории, чтобы потом передать ее следующим поколениям уже как видовой признак. Это неизбежно, подытожил Хокинс. Как только это станет технически возможным, реализация не заставит себя ждать. Ученый прокомментировал возможность повысить уровень человеческого интеллекта путем увеличения объема мозга (например, выращивая эмбрион в пробирке) и скорости передачи информации между нейронами (с помощью электронных приборов и генетических изменений). В некотором смысле человечеству необходимо улучшить свои физические и психические характеристики, признавал автор одной из наиболее признанных теорий о происхождении вселенной.

Между тем, сам Стивен Хокинг мог жить, работать и писать книги, став, фактически, киборгом.

Из последних достижений в этой области:

Компания Илона Маска «Neuralink» разработала гибкие «нити», которые можно встроить в мозг для передачи больших объемов данных, работа для их вживления, а также специальный чип, ускоряющий передачу. Толщина «нитей» составляет 4–6 микрометров, что значительно тоньше человеческого волоса. Шесть нейронитей содержат 192 электрода, которые робот-хирург вживляет в мозг. Сигналы, полученные с «нитей», передает на компьютер закрепленное на черепе устройство. Ближайшей целью Маска является помощь парализованным людям: с помощью «нитей» в голове они смогут работать с компьютерами и телефонами «силой мысли». В долгосрочных планах — общение с помощью телепатии и «загрузка» в мозг необходимой информации (например, знание другого языка). По словам Маска, в конечном счете цель «Neuralink» — «симбиоз» человеческого мозга с искусственным интеллектом.

Метафизические основы искусственного интеллекта и биотехнологий отделяют жизнь от органического тела в поисках вечной «сущности». Понимание человека и живого тела страдает от метафизического разрыва, сформулированного Декартом, отправная точка подобных концепций в том, что чистое сознание нуждается в жизни в той же степени, что и чистая материя.

Таким образом, жизнь, неизбежно связанная с организмом, будет неотвратимо смертной, но смертность организма вместо того, чтобы ограничивать ее, мобилизует ее возможности, поскольку

как жизнь, так и мышление, возможны лишь в органическом мире, то есть, укорененные в живом теле.

В наше время тело отказывается уже не от того, чтобы считаться греховным, но от того, чтобы быть нечистым в новом смысле: несовершенным и тленным. И, тем самым, неизбежно ограниченным. Поскольку тело имеет органическую и только органическую природу, оно устаревает. Но та же самая технотехника предлагает починить его, воссоздать и преодолеть границы.

Существует и другая опасность, кроме создания расчеловеченного «постчеловека», о чем говорит П.С.Гуревич в статье «Тело, но только как модель» [2]. Инструменты технотехники могут использоваться для «улучшения» человеческого материала, то есть, с развитием биоинформационной технотехники возрождаются, хотя и в ином виде, амбиции нацистов, ставивших задачу «очищения» биологической основы человечества путем уничтожения других этнических групп, а также людей с физическими недостатками и душевнобольных.

Сегодня отголоски евгенических идей возникают в абсолютно ином контексте. Речь уже не идет, во всяком случае, открыто, о «расовой чистоте». В своей современной ипостаси евгеника предстает перед нами в рыночном обличье: генетические манипуляции продвигаются во имя таких ценностей, как экономическая эффективность, улучшение качества жизни или соотношение цены и качества. Это евгеника на продажу, с маркетингом, рассчитанным на потребителей, участников глобального рынка.

При зарождении молекулярной биологии и генной инженерии ученые пытались избежать любых исторических ассоциаций с евгеническими проектами прошлого. Но уже в конце XX века стремительные успехи новых научных дисциплин породили множество дебатов по этому вопросу. Оказалось, что новые знания способны привести не только к реализации прежних проектов, не только к «улучшению» старого, но и к настоящему созданию живых существ. Фактически в лабораториях и исследовательских институтах ученые осуществляют евгенический отбор, решая, какие гены изменить, устранить или включить в генетический код различных живых организмов, в том числе и человека.

В связи с этим возникает множество этических проблем. Кто решает, что именно является «наилучшим» как для человека, так и для других живых организмов? На основании каких критериев определяется, какие качества способствуют «улучшению» того или иного биологического вида, а какие следует исключить? В иные времена

ответственность за это возлагалась на богов, случай или законы природы, сегодня очередь дошла до людей. Но кто они? И какими правилами и критериями должны руководствоваться? Ответы на эти важные вопросы пока еще не сформулированы.

В 1931 году в своей работе «Человек и техника» Шпенглер писал: «Тайны природы понятны не больше, чем когда бы то ни было, однако используются рабочие гипотезы, которые не «истинны», но только целесообразны. С их помощью природу по-прежнему покоряются человеческим приказам, малейшему нажатию кнопки или рычага. Темпы открытий фантастически растут...» [12, с. 483].

Биополитика

В наше время современная технотехника, соединив информатику с биотехнологией, полагает, что «тайны природы» уже открыты. «На деле страсть изобретателя не имеет ничего общего со своими последствиями. Она представляет собой личностное жизненное влечение, личное счастье и страдания, ему нужны победа над трудной проблемой, богатство и слава, приносимые успехом. Польза или вред, созидательный или разрушительный характер изобретения его не касались бы даже в том случае, если бы о них дано было знать заранее <...> Разве мысли о подобных последствиях остановили хоть одного изобретателя?» [12]. Ответ очевиден. В наше время биополитическое конструирование тел и индивидов переживает абсолютно новый этап.

На человеческую жизнь постоянно воздействуют власть и знания, соответствующие определенным эпохам. В последние десятилетия подобное воздействие

претерпевает серьезную трансформацию. Логично предположить, что в управлении

биологическими процессами и человеческими телами также происходят глубокие изменения. Чтобы лучше понять происходящее, прежде следует рассмотреть то, что происходило в индустриальном обществе и предшествующих исторических формациях.

Согласно Фуко, в индустриальном обществе государственный интерес переключился с человека как живого существа на население, понимаемое как «совокупность элементов: 1) связанную с общим режимом существования живых существ и 2) доступную для согласованного политического вмешательства» [9].

Это секвестирование жизни систематически осуществлялось с помощью биополитики, полного

набора механизмов власти, применяемых к населению, то есть к совокупности живых существ, населяющих определенную территорию и имеющих определенные биологические характеристики. Главное, что эту совокупность можно преобразовать с помощью особых техник и знаний. Государства индустриальной эпохи осуществляли биополитику планирования, регуляции и профилактики, вмешиваясь в условия жизни людей, чтобы навязать им определенные нормы и тем самым приспособить к выполнению национального проекта. Эти стратегии власти появились в начале XVIII века, но полного развития достигли только в XIX и первой половине XX века.

Дисциплина и биополитика сочетаются в контексте индустриального капитализма как техники, ориентированные на обеспечение его бесперебойного функционирования. В то время как первая направлена на человека как на тело, затрагивая область политической анатомии, тренирующей механизированные организмы индустриального общества, вторая направлена на человека как на вид, затрагивая область политической биологии, регламентирующей жизненные факторы населения. Хотя каждая из них применяет особый набор механизмов власти, обе являются инструментами оптимизации человеческих сил, направленными на увеличение полезной отдачи. Их внедрение в жизнь осуществляется различными институтами (медицинскими, образовательными, административными), имеющими нормализующую функцию, то есть призванными приводить объекты в соответствии с нормой, устанавливая границы того, что считать нормальным и создавая перечень возможных отклонений.

Все эти меры вводились постепенно и терпеливо. Из-за сложности и необходимого участия государственного аппарата, биополитика появилась на исторической сцене несколько позже дисциплинарных техник и смогла укорениться среди населения лишь благодаря предшествующей дисциплинарной работе над отдельными телами. Цель биополитики — организовать жизнь, культивировать, защищать, умножать и регулировать ее, контролировать и компенсировать риски, ограничив ее биологические возможности и заключив в заранее установленные рамки, обозначенные как нормальные. Таким образом, все процессы, связанные с жизнью: рождаемость, смертность, заболеваемость, рождаемость, кормление грудью, эпидемии, старение, физическая беспомощность и влияние окружающей среды — стали эффективно и рационально контролироваться.

В основе появления этих техник лежит новая концепция жизни. В эпоху, когда Дарвин показал природные механизмы, в сферу знания и власти были включены биологические характеристики человека, а с ними и весь арсенал техник их контроля и модификации. Так возникла идея населения как политической проблемы, которой стало пользоваться государство. Под биополитикой Фуко понимает то, как начиная с XVIII в. пытались рационализировать проблемы, поставленные перед правительственной практикой феноменами, присущими всем живущим, составляющим население: здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, потомство. Вскоре это нововведение приобрело большое политическое и экономическое значение, став одним из столпов индустриального общества.

Эта совокупность государственных стратегий была дополнена другими инструментами, нацеленными на дисциплину тела. В местах заключения (школы, фабрики, больницы, тюрьмы) осуществлялся надзор с помощью унифицированных наказаний, рационального упорядочения времени и пространственного распределения тел. Эти механизмы, основанные на научных достижениях, призваны были повысить полезную силу индивидуальных тел с помощью упорной тренировки, податливости тел и укрощения душ.

Можно ли сопротивляться механизмам власти, нацеленной на создание новых экзистенциальных территорий? Мишель Фуко показал, что власть довольно изобретательна, но не всемогуща. Напротив, ей присуща внутренняя неэффективность. Властные отношения, образующие систему власти, несбалансированы, постоянно находятся в борьбе и движении, нестабильны и напряжены, неоднородны и непредсказуемы. И несмотря на то, что власть применяет все более изощренные способы воздействия, шансы противостоять им также умножаются.

Выработка и осуществление биополитики через государственные институты стали заметны лишь в Новое время, благодаря накоплению научных знаний, основанных на наблюдении и эксперименте, а также способности осуществлять централизованную обработку всей информации с помощью новых наук, таких как статистика и демография. На основе данных, собранных в различных государствах, профессионалы рассчитывали прогнозы, показатели, средние величины, оценки и перспективы. Таким образом, появилась возможность рационально вмешиваться в биологический субстрат населения, вырабатывать законы и санитарные меры, планировать рождаемость,

пропагандировать гигиену и профилактику болезней. Биополитика задалась целью исключить непредвиденные случайности, короче, установить механизмы, способные стимулировать рождаемость, увеличить продолжительность жизни, предотвратить эпидемии, регулировать распространение и тяжесть заболеваний. Задача, следовательно, состояла в контроле над различными факторами неэффективного использования рабочей силы и потери рабочего времени, а также в снижении издержек различных медицинских вмешательств.

Благодаря применению этих стратегий появилась важная социополитическая и экономическая фигура: рабочий как один из главных протагонистов индустриальной эпопеи.

Каким образом изменения последних десятилетий повлияли на управление биологией человека? Речь идет о процессе, находящемся в развитии, и здесь мы вступаем на зыбкую почву, мало пригодную для теоретизирования.

Жиль Делез в своей работе «Post scriptum к обещаниям контроля» приходит к неизбежному выводу: «Дисциплинарные общества в свою очередь вошли в стадию кризиса, уступая постепенно место новым силам, которые сначала развивались медленно, но после второй мировой войны заметно ускорили свое формирование: теперь мы уже живем не в дисциплинарном обществе...» [3, с. 225]. В обществе контроля гибкие и постоянно меняющиеся отношения власти охватывают все объекты без исключения. Контроль становится тотальным, а человек из человека-заключенного превращается в человека-должника. Тренированность тел индустриальной эпохи уступает место интеллектуальным способностям.

Институты, управляющие производством индивидуальных тел и душ, например, вмешательством в биологический субстрат населения, сегодня получили возможность не только регулировать процессы, избегая нежелательных случайностей, но и модифицировать саму органическую сущность, перепрограммируя различных биологических индивидов или даже биологические виды. С помощью последних достижений знания и техники прежние инструменты биовласти также включились во всеобщий процесс оцифровки. Появилась новая возможность не только организовывать жизнь, но и расширять ее границы, производить нечто живое и, возможно, нечто чудовищное: к примеру новые вирусы с непредсказуемым воздействием.

В этом контексте слово «риск» приобретает огромную ценность и его использование на рынке приносит щедрые плоды. Управление рисками

(угрожающими здоровью, жизни, молодости), становится новым могучим механизмом принудительного контроля.

Медицина

Возможность заболеть и умереть, содержащаяся в генетическом коде каждого индивида, должна быть изучена, подвергнута контролю и модификации. Помимо подобных вмешательств проект может затрагивать более существенные изменения генома, способные затронуть вид в целом.

В настоящее время медицина представляет собой мощный комплекс знаний, сформировавшийся в западных обществах в период с конца XVIII—начала XIX века, совокупность сил, способных воздействовать как на отдельных людей, так и на население в целом, упорядочивая и регулируя жизнь. В ходе современной истории медицина контролировала случайные события, имеющие отношение к органическому и биологическому многообразию человека, навязывая ему нормы в соответствии с требованиями промышленного капитализма. Сегодня в условиях тесной связи технауки с рынком вырисовываются и укрепляются новые области медицинского знания, от интернет-медицины до бионики и нового поколения психотропных лекарств. Зарождается постиндустриальная биополитика, способная радикально изменять тела и души, воздействуя на биологические характеристики человека.

Мнение о том, что генетический код каждого человека и человечества в целом способен определять все на свете (анатомические характеристики, биологические функции, поведение и восприятие), сегодня разделяется многими. Стремление проникнуть в тайну человека прежде опиралось на ряд наук, использующих наблюдение и эксперимент — на медицину, социологию, педагогику, психоанализ и т.д. Сегодня эту функцию выполняет молекулярная биология, неразрывно связанная с телеинформатикой. В связи с этим роль классического психоанализа постепенно слабеет, уступая место быстрым и эффективным техникам, основанным на использовании нового поколения психотропных средств. Подобный подход в корне отличается от традиционной психотерапии, стремившейся проникнуть вглубь человеческих переживаний в поисках глубинных причин физического страдания и экзистенциальных трагедий. Благодаря успеху новых препаратов, лечение все чаще сводится к тому, чтобы решить проблему химическим путем, быстро подавив симптомы. Таким образом, любое недомогание начинает пониматься как дисфункция, как отклонение, которое можно и нужно исправить.

Подобная тактика все чаще используется не только в области психиатрии, но и в области клинической медицины, также испытывавшей на себе влияние генетики. На смену холистическому видению, предполагавшему множественность причин заболевания (в том числе значительное влияние окружающей среды и жизненной истории каждого человека), новый подход сосредоточен в первую очередь на выявление микромолекулярных характеристик человеческого тела. Подобный подход неизбежно влечет за собой следующее умозаключение: «Зачем лечить симптомы, если можно устранить причину?» Так появляется прежде неизвестная возможность исправить небольшую ошибку в генетическом коде. Наряду с этим любое отклонение от нормы начинает восприниматься как «ошибка», как патология. Если ошибки в генетической программе воспринимаются как отклонение от нормы, следует задать вопрос: что понимать под нормой? Как определить в этом новом контексте мерило нормальности? Ответ не очевиден. Если относительно того, что считать болезнью существует общее согласие (например, шизофрению, рак, болезнь Паркинсона, туберкулез), то относительно того, что считать здоровьем, подобного единодушия не наблюдается. Прежние противопоставления «здоровье-болезнь», «норма-патология» постепенно распадаются. Между этими понятиями более не существует четкой разделительной линии.

Основная цель новой медицины, рассматривающей болезни в терминах вероятности, предрасположенности и тенденций, не только лечение, понимаемое как исправление ошибок в коде, программирующем жизнь каждого пациента, но прежде всего предотвращение рисков, выявленных в ходе компьютеризированного анализа. Рисков заболевания и смерти. Превентивные меры современной медицины являются мощным орудием биовласти. Если ошибки в генетическом коде имеются не у всех, то вероятность болезни и смерти распространяется на всех. Поэтому стратегии, направленные на предотвращение рисков, касаются на всех без исключения. Так появляется императив здоровья с сопутствующими профилактическими мерами: правильное питание, занятия спортом, прием витаминов, профилактический прием лекарств и т.д.

По мере того как гуманитарные науки уступают место технауке, новые стратегии биовласти устанавливают новые формы господства и новую модель гуманитарных наук. Вместо глубин бессознательного, общественного договора и исторического наследия предлагается поиск технических

решений любых проблем тела, души или общества. На рынок выбрасываются различные средства, позволяющие каждому человеку управлять рисками, заложенными в его личной органической информации, учитывая при этом свои собственные склонности, пристрастия и вероятности, чтобы разработать соответствующие превентивные меры. Таким образом, здоровье становится капиталом, которым следует распоряжаться, выбирая подходящие предметы потребления и образ жизни, делая соответствующие инвестиции и оценивая риски. Логика производства распространяется на все институты и завоевывает все новые пространства.

Природа человека

В XVII и XVI вв. работы, посвященные природе человека, исследовали преимущественно вопросы вечности и связи человека с вечностью. То есть философия скорее задавалась вопросом о том, каким образом человек может обладать истинным знанием, то есть знанием и пониманием вечности, при этом оставаясь смертным, конечным во времени — из-за ошибок, мечтаний, воображения и так далее. И с этой точки зрения философия никогда по-настоящему не исследовала вопрос о природе человека.

Благодаря наблюдениям за бессознательным мы, наконец, осознали, что, грубо говоря, никакого человека в действительности не существует. Именно это понял Ницше. Провозглашая смерть Бога, он показал, что эта смерть явилась не просто концом христианской религии или всех религий вообще, но концом человека в привычной для него реальности, концом гуманистических ценностей, провозглашенных еще в эпоху Возрождения и, возможно, даже во времена Сократа¹.

¹ В связи с этим можно привести рассуждения Ф. Фукуямы: «В течение XX в. с упадком в западных обществах общей веры в христианство иные правила и ценности других культур — равно как и возможность полного отказа от веры — стали вытеснять традиционные. С развитием рыночной экономики и ростом общей социальной мобильности личный выбор в областях, выходящих за рамки морали, расширился: люди могли выбирать профессию, партнеров по браку, место жительства и бренд зубной пасты. Логично, чтобы у них был выбор и в моральных ценностях. К концу XX в. в большинстве современных демократий понимание масштабов индивидуальной автономии значительно расширилось, что привело к расцвету так называемого экспрессивного индивидуализма... Проблема такого понимания независимости в том, что общие ценности выполняют важную функцию, делая возможной общественную жизнь. Если мы не договоримся о минимальной общей культуре, мы не сможем сотрудничать в решении общих задач и не будем считать легитимными одни и те же институты; в отсутствие общего языка, оперирующего универсально понимаемыми смыслами, мы даже не сможем разговаривать друг с другом». (Ф. Фукуяма. Экспрессивный индивидуализм и его проявления [10]).

Подобный путь рассуждений ведет нас к пропасти, лежащей между основополагающими элементами западного знания XIX века. Появление антропологии как удела западной философии еще в начале XIX века было предвосхищено философией. И более того, в конце XIX века общественные науки и психология вновь возвращаются к понятию бессознательного. Происходит смешение общественных наук, которое может быть и позитивным, однако при этом гуманитарные науки растворяются в собственной позитивности, и человек, таким образом, в философском смысле, исчезает. И если в наши дни существует эта связь-не-связь между философией и психологией, то, возможно, именно благодаря этому феномену.

Философия адресовала субъект антропологии всей западной культуре и, когда этот субъект позаимствовала психология и описала его, благодаря бессознательному, совершенно новыми и позитивистскими терминами, философия открыла, что человек сам по себе не существует.

Человеческое бытие, таким образом, неопределенно. Нет такого предмета и процесса в мире, указав на которые, можно было бы сказать, что «это человеческое бытие». Отсюда проистекает особенность сартровского экзистенциализма, выраженная в характеристике человеческой свободы. Человек свободен, считает Сартр, именно потому, что у него нет «природы», которая бы могла предопределить способы его поведения и жизнедеятельности. Только от самого человека зависит, каким он будет и каков будет мир, в котором в этом случае ему придется жить. Человеческая природа, считает Сартр, ни добра, ни зла, она, прежде всего, свободна.

Универсальность человека

Подобная трактовка специфики «бытия для себя» заставляет Сартра констатировать «парадокс свободы», проистекающий из того, что человек находится в независимой реальности, с которой он вынужден считаться. Признавая важность этого обстоятельства, Сартр пытается доказать, что сопротивление человека внешним препятствиям имеет значение только в свободном выборе и через свободный выбор. Человек может и должен полагаться только на себя, не уповать ни на какие внешние обстоятельства. Человек выбирает сам, один, полностью принимая на себя все возможные последствия своего деяния, не имея надежной опоры ни вне, ни внутри себя.

Но если человек не является одним и тем же повсюду, как может он быть общим знаменателем

для всех философий? Стало обычным различать «восточного человека» и «западного человека», как будто бы они принадлежат различным биологическим видам. Считается, что «восточный человек» интуитивен, а «западный человек» рассудочен, «восточный человек» вял, а «западный человек» активен, «восточный человек» человек духовный, а «западный человек» человек материалистический; «восточный человек» мистический, а «западный» этический, «восточный» интроверт, а «западный» экстраверт, «восточный человек» доволен всем, а «западный человек» всегда недоволен и жаждет большего; и так далее. Это различие поднимает очень важный вопрос. Несомненно, не все на Западе и на Востоке принимают это различие. Например, С. Радхакришнан [19] полагает, что человек — восточный или западный — один и тот же, несмотря на различия в культурных достижениях. Основные человеческие побуждения, инстинкты, стремления, идеалы у них одинаковы. Основная человеческая природа не только везде одинакова, но также, «когда мы рассматриваем длительный отрезок истории, то видим, что нет восточного взгляда, который бы отличался от западного взгляда на жизнь».

Во-первых, когда мы сравниваем восточного человека с западным, сравниваем мы их культурные достижения или их внутреннюю природу? — спрашивает Радхакришнан. Например, когда психолог сравнивает умственные способности двух юношей, он не сравнивает их достижения. Умственные способности студента, окончившего учебное заведение, могут быть ниже умственных способностей школьника, но достижения первого в целом должны быть выше. Подобным образом, если мы намерены познать сущность человеческой природы, нам недостаточно знать культурные достижения Востока и Запада. Имеется нечто еще более глубокое, чем достижения, что должно считаться общим для всех людей, восточных и западных. Сравнительная философия без веры в универсальность человека будет иметь мало пользы. Как можно сравнивать людей, если между ними имеется мало общего? Обычаи, лежащие в основании культуры и цивилизации, то есть достижений человека, вторичны, первична же человеческая природа как таковая.

Во-вторых, когда психологи изучают человека и формулируют общие законы об эмоциях, чувствах, мышлении и т.д., они предполагают, что эти законы применимы ко всем людям. В противном случае, работы, написанные западными психологами, будут непригодны для восточного человека

и наоборот. Без допущения, что базовая природа человека везде одинакова, труды по психологии будут иметь весьма небольшую научную ценность. Сам принцип единообразия природы, как бы его не интерпретировали, пришлось бы отвергнуть, по крайней мере на уровне человека, не будь человек один и тот же везде.

В-третьих, если природа человека не является повсюду одинаковой, почему западные демократии могут вдохновлять демократии на Востоке? Так называемые психологические различия между Востоком и Западом должны рассматриваться как нефундаментальные. Можно пойти еще дальше и обобщить. ООН и ЮНЕСКО, трудясь над тем, чтобы сделать ценности всех культур пригодными для всех и каждого, допускают, что человек повсюду одинаков и способен охотно принимать и использовать эти ценности. Если бы восточный человек был отличен от западного, не могло бы быть никакого использования чужих ценностей или их ассимиляции и великие всемирные организации, которые являются надеждой человечества, пытались делать невозможное. Действительно, та самая концепция естественного закона, воодушевлявшая римских юристов, вдохновлявшая Цицерона и Данте и продолжавшая традиции стоиков, основана на убеждении, что человек одинаков везде. Из этого следует идея естественных прав, то есть совокупности неотъемлемых принципов и прав, вытекающих из природы человека и независимых от внешних факторов¹.

Гуманитарный и естественнонаучный подход

В наше время в вопросе о человеке на первый план выходит противопоставление гуманитарных и естественных наук. Основным моментом размежевания естественнонаучного и гуманитарного дискурсов о человеке выступает отношение к понятию «природа человека». Для естественнонаучного дискурса этот концепт является центральным.

¹ Тем не менее, для каждого человека существуют «другие». «Другие» бывают разными в зависимости от того, к какому меньшинству или большинству относит себя исследователь. Самый очевидный вид чужих — «экзотический другой», — определяемый таким образом относительно условно идентичных нас, европейцев, жителей западного мира.

Есть еще и «социально другие», и люди как бы близкие, но сущностно другие, повсеместное присутствие которых указывает на невозможность абсолютной индивидуальности: наследственность, родство, сходство, влияние — через эти категории можно постичь инаковость, дополняющую и составляющую всякую индивидуальность. Сегодня антропологи не нужно, подобно Леви-Строссу, ехать в печальные тропики, — объект исследования рядом с ним.

Основными направлениями в этой сфере выступают данные эволюционной теории, социобиологии и других биологических дисциплин. Для гуманитарного образа человека концепт «природа человека» ложен. Человек прежде всего историческое существо. Он не только сам творит историю и испытывает на себе воздействие плодов своей деятельности, но и выявляет смыслы этих процессов, что приводит к его самоизменению. Человек не объект, он субъект, а потому должен постигаться не объективными методами, а субъективными. Если говорить о проекте философской антропологии, можно сказать, что в общем виде задача интеграции различных образов человека в едином философском дискурсе оказалась невыполнима. Однако она осуществима как выявление зоны пересечения основных антропологических дискурсов. Таким общим полем выступает перспектива преодоления в человеке собственно человеческого. В гуманитарном дискурсе оно присутствует в виде концепта сверхчеловека, в естественнонаучном дискурсе в виде вполне практической задачи преобразования средствами биотехнологий человека в новое существо — постчеловека.

Б.Г. Юдин в работах последних лет отмечает, что границы человеческой природы размываются, то есть долгое время считалось, что при всех изменениях среды обитания в человеке остается константа, позволяющая ответить на вопрос, что такое человек. Однако сегодня уже неясно, существует ли эта константа и не трансформирует ли запущенный нами прогресс нас самих до неузнаваемости.

По мнению Юдина [13], самое радикальное воздействие на человеческую природу оказывают новейшие научные технологии. Наука и технология образовали симбиоз, «технонауку», в которой нельзя понять, что главное. Наибольшей трансформирующей силой обладают новые биомедицинские технологии, которые действуют в нескольких ключевых «пограничных зонах», расшатывая природу человека и ставя под вопрос устоявшиеся представления о ней. Юдин выделяет четыре такие зоны: граница между бытием и небытием

(жизнью и смертью); граница между небытием и бытием (до рождения человека); граница между человеком и животным; граница между человеком и машиной.

Биомедицина расширяет наши возможности, продлевая биологическую жизнь, проводя перинатальную диагностику, создавая химер и киборгов. Все это вынуждает нас задавать вопрос: «Где кончается человек?»

В ответ на вызов, который технологии бросают человеческой природе, автор предлагает широкое обсуждение и экспертные дискуссии. Технологический прогресс нельзя остановить или продвинуть вперед силой. Но следует добиваться, чтобы решения о внедрении новых рискованных технологий были осознанными и принимались всем обществом. В последние годы философы интересовались технологиями «усовершенствования» человека и философия трансгуманизма, которая служит обоснованием этих технологий. Указывая, как и П.С. Гуревич, на опасности трансгуманистического подхода, Б.Г. Юдин призывает к коллективной биоэтической рефлексии, которая позволит уравновесить стремление к преодолению ограничений соображениями о рисках неконтролируемой модификации человека [14].

Какое будущее в связи с вышесказанным ожидает определение человека?

В своем интервью проекту «Gorky.media» социолог А. Бикбов отметил, что в последнее время в гуманитарных науках превалирует очень взвешенное, процедурно строгое и исчерпывающее описание своего объекта. В результате описание объекта становится столь нюансированным, что он полностью теряет прозрачность для тех, кто им не занимается». Социальные дисциплины во Франции приобретают формальные черты нормальной науки, где узкоспециализированные ученые перестают друг друга понимать [1]. В этом контексте предположение о том, что в недалеком будущем определение человека в конце концов сведется к некоторому объему оцифрованной информации, не кажется таким уж фантастичным.

Список литературы

1. Бикбов А. Гибель титанов: почему во Франции больше нет Фуко и Делезов. 20.08.2019. URL: <https://gorky.media/context/gibel-titanov-pochemu-vo-frantsii-bolshe-net-fuko-i-delezov>.
2. Гуревич П.С. Тело, но только как модель // Полигнозис. 2009. № 3 (36). С. 19–31.
3. Делез Ж. Переговоры. Пер. с франц. В. Быстрова. СПб.: Наука, 2004. 235 с.
4. Муратов Д. Новая Газета, рассылка. 13. 11. 2018. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/11/13/78559-hroniki-ukrainskoj-avtokefalii>
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / пер. с нем. Ю. Антоновского под редакцией К. Свасьяна // Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 829 с.
6. Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека / Пер. с лат. Л. Брагиной // Эстетика Ренессанса. Антология. В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1981. С. 243–306.
7. Радхакришнан С. Индийская философия. В 2 т. Т.1 / Пер. с англ. А. Литмана. М.: Иностранная литература, 1956. 624 с.
8. Уотсон, Д. Двойная спираль. Воспоминания об открытии структуры ДНК / Пер. с англ. М. Брухнова, А. Иорданского. М.: Мир, 1969. 152 с.
9. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / Пер. с франц. А.В. Дьякова. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
10. Фукуяма Ф. Экспрессивный индивидуализм и его проявления / Перев. с англ. А. Соловьева // Сноб. 12.08.2019. URL: <https://snob.ru/entry/181156/>
11. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х / Пер. с англ. Д. Жайворонка. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 128 с.
12. Шпенглер О. Человек и техника / Пер. с нем. А. Руткевича // Культурология XX век. Сборник статей. М.: Центр гуманитарных технологий, 1995. С. 454–496.
13. Юдин Б. Г. Границы человеческого существа как пространства технологических воздействий // Вопросы социальной теории. 2011. Т. V. С. 102–118.
14. Юдин Б. Г. У человека было ядро, но и оно «поплыло» // Человек. RU. 2015. № 10. С. 189–197.
15. Cottingham J. Cartesian Reflections. Oxford University Press, 2008. XXI+332 p.
16. Eigen M. From Strange Simplicity to Complex Familiarity: a Treatise on Matter, Information, Life and Thought. Oxford: Oxford University Press, 2013. 704 p.
17. Martins H., Garcia G. L. Dilemas da civilização tecnológica. Lisboa: Imprensa de Ciências Sociais, 2003. 377 p.
18. Rosset C. L'Anti-nature: éléments pour une philosophie tragique. Paris: Presses universitaires de France, 1973. 335 p.

ФИЛОСОФИЯ ПОЭЗИИ

Г.Н. Рязанцев-Седогин

О ПРИРОДЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ: НА ПРИМЕРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ИВАНА ПЕРЕВЕРЗИНА

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема подлинности поэтического творчества напрямую связанного с внутренней судьбой поэта, которая утверждается, по мысли автора статьи, на почве народной жизни, питающей корневую систему настоящего художника слова, и становящегося в своем развитии выражением жизни своего народа, его заветных идеалов и созерцаний. В высших проявлениях творчества поэт, погружаясь в стихию народной жизни, способен подняться до объективных смысловых обобщений и выразить корневые нравственные идеалы, которые в наиболее зрелых произведениях, приводят его к идеальным, то есть религиозным основам познания и нравственности. Цель статьи заключается в том, чтобы показать, как в творчестве преодолевается онтологический голод, уже вопиющий не только в писательской среде, но и в среде читающей публики. Иоанн Максимович, архиепископ Сан-Францисский писал, что молитва есть свежий воздух из мира горнего в мир дольний. И молитва берёт себе в помощники поэзию. Новизна статьи состоит в введении автором термина «воздух поэзии» и раскрытие его смыслового значения. За аскетическим набором лучших слов, расположенных в гармонической последовательности, присутствует невидимый и непостижимый в своём безмолвии воздух поэзии. Это он, воздух поэзии, недоступный рациональному сознанию, свидетельствует о присутствии некой реальности, которая есть Сама Творящая Жизнь. Автор статьи пытается показать, что поэзия способна к созерцанию вещей таинственных и иррациональных. Подлинные поэты в своих откровениях и прозрениях подходят к тем безднам, в которые заглядывали великие святые отцы, — эти мужи древности, духовные тайнозрители дел Божьих. Поэт, подобно святым отцам, двигаясь к прозрениям наивысшего порядка, — воздухом поэзии способен постигать непостижимое и обличать невидимое. Автор статьи показывает, что природа Русской поэзии сокрыта в понятии «бессмертие». **Ключевые слова:** онтологический голод, религиозные основы познания, постижение сущего, воздух поэзии, творчество есть выражение жизни народа, логосность мироздания, онтологический катарсис — путь богословов и поэтов, божественный мрак, бессмертие — природа русской поэзии, Бог человекоподобен.

G.N. Ryazantsev-Sedogin

ABOUT THE NATURE OF RUSSIAN POETRY: ON THE EXAMPLE OF POETRY CREATIVITY OF IVAN PEREVERZIN

Summary. This article discusses the problem of the authenticity of poetic creativity directly related to the poet's inner fate, which is affirmed, according to the author of the article, on the basis of popular life, nourishing the root system of the true artist of the word, and becoming in its development an expression of the life of people, their cherished ideals and contemplations. In the highest manifestations of creativity, the poet, plunging into the element of folk life, is able to rise to objective semantic generalizations and express the root moral ideals, which in the most mature works lead him to the ideal, that is, religious foundations of cognition and morality. The purpose of the article is to show how ontological hunger is overcome in creativity, already glaring not only among the writers, but also among the reading public. John Maximovich, Archbishop of San Francisco, wrote that prayer is the fresh air from the mountain world to the earthly world. And prayer takes poetry as a helper. The novelty of the article is the introduction by the author of the term "air of poetry" and the disclosure of its semantic meaning. Behind an ascetic set of the best words arranged in a harmonious sequence, there is

an invisible and incomprehensible air of poetry in its silence. It is it, the air of poetry, inaccessible to rational consciousness, testifies to the presence of a certain reality, which is the Creative Life itself. The author of the article tries to show that poetry is capable of contemplating mysterious and irrational things. In their revelations and insights, genuine poets approach the abysses that the great holy fathers (these men of antiquity, the spiritual mysteries of the works of God) looked into. The poet, like the holy fathers, moving to insights of the highest order, is able to comprehend the incomprehensible and expose the invisible through the air of poetry. The author of the article shows that the nature of Russian poetry is hidden in the concept of "immortality".

Key words: *ontological hunger, religious foundations of cognition, comprehension of the existing, the air of poetry, creativity is an expression of the life of the people, the consistency of the universe, ontological catharsis is the path of theologians and poets, divine gloom, immortality is the nature of Russian poetry, God is humanlike.*

Я пишу, потому что люблю. И моё творчество
есть накопление любви в слове.

М. Пришвин

В прочитанном не так давно объёмном томе избранных стихотворений современного поэта Ивана Переверзина, я обнаружил подлинную стихию поэзии и оказался в плену живой, глубокой, трепетной души поэта, в изумлении стоящей перед жизнью и её Творцом. Души, созерцающей жизнь, проникающей в её тайны и щедростью таланта, возвращающей Творцу песнь достойную Его творенья.

Я не встретил в стихах поэта Ивана Переверзина ни одного ложного чувства, ни одного фальшивого положения, ни одного надуманного переживания! Всё его поэтическое творчество есть подлинное выражение внутренней судьбы, и нет разделения между художником и человеком, свойственное только традиционному русскому искусству. Есть в душе и заветные идеалы, сложившиеся в прошлом нашей культуры и, к удивлению моему, доселе живущие в слове Ивана Переверзина с поразительными откровениями почти безличного, непосредственного творчества!

...Моя мечта?.. Она зарницей
Сверкала в небесах ночных,
А я в стихах — живей живых —
Спешил душою раствориться!

И да простит меня Господь,
И даст мне силы для кончины,
И примет в землю воедино
С мечтой мою сухую плоть...

Когда я говорю о безличном, непосредственном творчестве, я имею ввиду способность художника в своём мастерстве устраниваться настолько, насколько сама жизнь способна проявить себя в его творчестве. Эта гениальность была свойственна,

пожалуй, только Пушкину, в произведениях которого сама жизнь жительствоует и присутствие авторского эгоизма совершенно незаметно. Это высшее проявление творческого начала в искусстве. Но об этом, в контексте разбора произведений Ивана Переверзина, мы поговорим позже. Здесь только замечу, что создания искусства живы и самобытны, подобно явлениям самой жизни, так же рождаются, а не делаются, как рождается, а не делается всё живое...

У МАТУШКИ

Гошу у матушки в деревне,
Где сразу у крыльца деревня —
Сирень, берёзки, тополя —
Купаются в лучах рассвета
И, взявшись за руки, как дети,
Уходят погулять в поля...

Поля от края и до края,
Где рожь на солнце — золотая,
Как грива конская, густа.
Где полнозвучно, словно голос,
Звенит о сытой жизни колос
И даль до донышка чиста...

Поэт в этом стихотворении даёт простор чистым народным стихиям своей художественной натуры, преодолевая идеалы призрачные, наносные и переходя к корневым и действительным идеалам, живущим в глубинах души Ивана Переверзина, родившегося и выросшего в среде живой народной жизни. К корневым созерцаниям, к корневым нравственным идеалам, которые в наиболее зрелых стихотворениях, приведут его к идеальным, то есть религиозным основам познания и нравственности. Поэт, в стремлении к подлинным идеалам, словно противостоит своим творчеством многим современным поэтам, которые в постоянном стремлении развивать напряжённо мрачные стороны

души, находя оправдание своих внутренних тревог в духе века сего, отдаваясь стремительному потоку страстей, отдаваясь наслаждению страдания. Есть в творчестве нечто обаятельное в этих самовольно развиваемых страданиях, что-то сладкое и вместе лихорадочно-болезненное в этом состоянии духа, что-то безвыходное в этой гордости, отвергающей даже живительный луч света. Но тяжела будет расплата за это болезненное сладострастие сердца...

Эта внутренняя напряжённость, как ржавчина, оставляет свой след на чистой стали таланта, растлевает и окончательно истощает талант. А между тем жизнь таланта есть правда. Неправда же заключается в неправильном отношении к мрачным сторонам души, к тёмным слепым силам, которые подчиняют человеческую натуру, уничтожая в ней всё святое: безбожие, эгоизм, сухая гордость, злобная ирония в отношении к людям, бесстыдство отношений к женщинам — всё то, что при утрате авторитетов, выступает под благопристойной маской самой чинной нравственности, основанной на свободе. Всё это воспринимается как протест личности поэта против всего условного в окружающем его обществе и потому может быть судимо только с высшей точки зрения христианского суда, но не с точки зрения нравственности того общежития, которое породило этот протест.

Природа русской поэзии и, как зеркало этой природы, творчество поэта Ивана Переверзина, сокрыто совершенно в другом.

Я помню — ждёт бессмертие меня,
Но если хватит — света и огня
Моей душе, чей трудодень суров, —
С утра пораньше и до самой ночи,
А коли надо, то и хватит мочи
Мне допоздна гранить гранит стихов.

Мой отдых — труд, дарующий свободу
По чести жить мечте моей в угоду
И верить в Бога, ибо лишь Ему
Обязан я, что всё же стал поэтом
И прозою охвачен, словно светом,
И выстояв во тьме, я одолею тьму...

Моё убеждение состоит в том, что творчество есть выражение жизни народа, той почвы на которой родился и вырос поэт Иван Переверзин, и коренные нравственные начала жизни народа являются неминуче и коренные нравственные начала творчества поэта. Без нарушения правды народной и правды личной, потому что правда личная имеет глубочайшие корни в общей правде, и художник не

может принять мерилom иных нравственных представлений и иных созерцаний, кроме тех, которые даются ему народной жизнью. Здесь, не идеализируя наши представления о народной жизни, надо оговориться, что правда народной жизни, должна быть именно правдой, вскрывающей или порочные стороны, лежащие в жизни народа, как всякого земного явления, или наносные, пришедшие извне влияния. И сейчас же встаёт вопрос об отношении искусства к высшим идеальнейшим началам, независимым от народных особенностей, — вопрос об отношении искусства к религии, к вечному идеалу, которым сам народный идеал проверяется. Разрешение этого вопроса в новом христианском мире необходимо. При его разрешении надо будет говорить уже не о силе, а о слабости искусства.

В наше время *онтологический голод* даёт о себе знать не только в среде пишущих людей, но и в среде читающей публики, уставшей от поверхностного взгляда художников на жизнь, на человека, на его происхождение и его величие. Наши современники не погружаются в существо жизни, а скользят по поверхности её.

Поэт Иван Переверзин своим творчеством утоляет *онтологический голод*, он позволяет нам поговорить о глубинах и высотах человеческого духа, ибо в своих зрелых стихотворениях поэт приближается к идеальным, религиозным основам народной нравственности.

Есть у Ивана Переверзина поразительное программное произведение «Чудо камень»:

ЧУДО КАМЕНЬ

Обдутый морскими ветрами
И солнцем прогретый насквозь —
Лежит на скале чудо-камень, —
Сдружиться мне с ним довелось...

Под рокот прибоя, что бился
Об стены гранитные скал, —
Едва на него я садился,
Как тут же слагать начинал...

Не важно — светило ли солнце
Иль в тучах блуждала луна.
Но — каждая строчка до донца
Была, как волна, — солонка.

Что сердце моё волновало —
И птицей влетало — в строку?
Вся жизнь — и в великом, и в малом —
На том — и на этом — веку.

Я — многим природе обязан,
Но этому камню — вдвойне.
И пусть бы в легендах и сказах
Он памятью жил обо мне.

А может — случится такое,
А может — уже суждено,
Что камень ночью порою
В моё — постучится — окно...

«Иисус говорит им: неужели вы никогда не читали в Писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла? Это от Господа, и есть дивно в очах наших...». Бог Отец поставил Бога Логоса как фундамент космического устройства; так во всём космосе, так и в каждом отдельном создании и твари. Если это отвергается, то отвергается единственная истина, божественная логика и вселенной как целого, и каждой твари как единицы. Без этого всё тонет в бессмысленности и в необъяснимом людоедском хаосе...

Отцы и учителя церкви всегда так и понимали мир, как гармоническое и органическое целое, пронизанное лучами зиждительного Логоса и Премудрости. Эта «логосность» мироздания обнаруживается повсюду, она отображает волю Создателя и Промыслителя. Логосы вещей, явлений, стихий суть отблески Логоса Божия.

Поэт Иван Переверзин пользуется в стихотворении «Чудо камень» методом символического реализма, который был присущ святоотеческому миропониманию. Этот Камень — Христос, на котором прочно стоит поэт!

Углубление в тайны мирового художества, покоящегося на творческом «да будет» и исследование таинственных глубин всё больше раскрывающегося научного естествознания, подтверждает это. Слепые «законы природы» оживают и становятся разумной, живой, одушевляющей эту природу силой. Бог творит не готовые факты, а факторы, которым дано осуществлять в действительности это творческое задание, творить и производить. Природа есть *живое целое*. Это понимает в своём творчестве Иван Переверзин.

УТРО ПОЭТА

Дурманят — запахи ольхи...
Туман лесные дали застит...
С утра горланят петухи,
Как в ожидании ненастья.

Но в небе — ветер золотой,
И солнце ярко, что есть света,

Встаёт над отчею землёй,
И — сердце радуется поэту.

Он рано встал, хоть поздно лёг,
Чтобы постигнуть в озаренье
Всю глубину заветных строк,
Пришедших, словно наважденье...

Он по трапе спешит в леса,
Где удивительно и славно
Звонят в чащобах голоса
Синиц, вернувшихся недавно...

И почки зреют на ветвях,
Ещё чуть-чуть — и листья грянут!
И лось на голубых рогах
Выносит вечер на поляну...

Какие удивительные образы использует поэт для изображения живой, вечно рождающейся природы...

Искусство — дело земное, но оно с высшими нравственными началами состоит в связи через посредство жизни. И из земного оно есть наилучшее, наивысшее, наиправейшее, провидящее. Где жизнь разложилась вся, там оно отражает всю правду этого разложения; но если оно, искусство, истинное, есть дар Божий, если формы его влияния на души людей истинны, а не только фальшивые эффекты, то чутьё истинности у него никогда не отнимается, оно будет двигаться к прозрениям наивысшего порядка, — *воздухом поэзии* постигать непостижимое, обличать невидимое...

В поэзии Ивана Переверзина есть это прозрение своим искусством в корни и вершины жизни, в начала, в жизни самой совершающиеся. Есть это чутьё и понимание о *хранительном значении* искусства в отношении к жизни и её высшим божественным началам...

...Но я не раб, а князь живого слова,
Что дал обет в свой беспощадный век —
В любом круговороте бед суровых —
Жить по любви и веровать в успех...

Не просто это... Потому и вечно,
Коль с честью совершается сполна!
А грусть порою тяжела, конечно,
Но смыслом жизни правит не она...

Что же правит смыслом жизни? Поэт занят поиском истинного бытия, которым можно было бы определить естество Божие, Которое не имеет

ничего общего с бытием земнородных, с существованием тварным. Вот как об этом пишет святитель Григорий Нисский: «Из всего обнимаемого чувством и созерцаемого умом, нет ничего сущего в настоящем смысле, кроме превысшей всего Сущности, Которая всему есть причина, и от Которой всё зависит». Следовательно, надо искать какую-то Сущность вне окружающих сущностей. И здесь святитель Григорий делает шаг в сторону мистического подхода. К познанию Творца подходит не логическим путём, а по собственному опыту мистических озарений. Для него Божество и безымянно и многоименно. Как это похоже на путь постижения жизни и её сущностей подлинными поэтами. За аскетическим набором лучших слов, расположенных в гармонической последовательности, присутствует невидимый и непостижимый в своём безмолвии *воздух поэзии*. Это он, *воздух поэзии*, недоступный рациональному сознанию, свидетельствует о присутствии некой реальности, которая есть Сама Творящая Жизнь. Ничто из мира чувственного не может помочь в отыскании, хотя бы приблизительного определения Бога. Бог — «Причина всех вещей и превыше всего. Он ни сущность, ни жизнь, ни разум, ни ум, ни тело, ни образ, ни вид, ни качество, ни количество. Он не есть что-либо из чувственных вещей и не имеет чего-либо такого в Себе». «Бог превышает всякую сущность и посему изыят из всякого ведения». Он вне всего, недостижим и непостижим. Понятно, поэтому, что автор «Божественных имён» призывает «почитать целомудренным молчанием неизреченное». Но этот призыв к молчанию, не есть отказ от богословствования. Это только иной путь в богопознании, путь мистического проникновения в себя через *онтологический катарсис* своей души, — это путь богословов и поэтов!

Не зря замолкли соловьи,
Завял сиреневый цветок...
Равно и в горе, и в любви
Я был печально одинок.

Но жизнь не числил за беду,
Отважно прорастая ввысь,
Где вечер запалил звезду,
Где стала праведная мысль...

Мне нет важнее ничего —
Полезным оставаться всем,
Кто знал бы счастья торжество,
Когда бы не ярмо проблем.

Без них, конечно, никуда,
Да только не любой из нас
Исполнен светом, как звезда,
Причём с лихвой и про запас.

А я, хотя и бит, и гнут,
Но тем не менее стальной,
И потому зовусь — якут,
Крещёный стужей ледяной.

Я одиночество, как грусть,
Сумел использовать с умом —
Для становленья вечных чувств —
На этом свете и на том...

Мистический «*мрак неведения*» не есть мракобесие (обскурантизм) невежества и апофатика (отрицательное богословие) не есть запрет диалектического богословия, и творческие порывы и прозрения поэтов не есть невозможность постижения сущего. Отрицание не исключает положительное творческое богословие. «Не следует полагать, — пишут Ареопагитики, — что отрицание противоречит утверждениям, но, что Сама Первопричина изначально и значительно выше всякого отрицания или утверждения». Ибо «Бог познаётся во всём и вне всего; познаётся и в ведении и в неведении; о Нём существует понятие, слово, познание, касание, чувства, мнение, представление, имя и всё прочее и вместе с тем Он не познаётся, Он неизречен и именуем». Таким образом, мистический опыт святых отцов Ареопагитиков гармонично сочетает напряжение любомудрствовать с благодарным озарением Откровения из Первоисточника Света. *Проявления Божия* ожидают встречающих дерзаний человеческого духа.

Вот как поэт передаёт благоговейное состояние своей души, ожидающей *проявления Божия* в стихотворении «Перед вечным небом»:

ПЕРЕД ВЕЧНЫМ НЕБОМ

Дождь перестал, как я услышал —
По тишине глухой на крыше,
Ещё бы ветер с гор не дул...
Не много ли опять хочу я,
Стихом высоким жизнь врачуя, —
Под уходящий в небо гул?

А разве половиной сердца
Стихи, достойные бессмертья,
Сумеет кто-нибудь сложить?
Конечно — нет! И он в природе,

Пусть до конца хоть в непогоде,
Живёт себе — как хочет жить.

Но чтоб сполна в моём оконце
С утра пораньше лилось солнце,
Вливаясь в душу, как в раю,
А вместе с ним и птичий гомон,
Которым так я очарован,
Что сам, набравшись сил, пою.

Так я хочу, и так — бывает...
Но — только Бог определяет
Всё — даже миг и блеск зарниц.
Поэтому — душою строгой
Я каждый день взываю к Богу,
Упав пред небом вечным — ниц.

Максим Исповедник пишет: «Бог познаётся не по существу Его, а по великолепию Его творений и Его о них промыслу. В них, как в зеркале, мы видим беспредельную Его благодать, премудрость и силу». Богопознание отнюдь не понятийное, а путём мистических интуиций совершается, как и для автора «Небесной иерархии», соответственно внутреннему созреванию и по ступеням творческого роста. Для этого нужно прежде всего очищение сердца, а затем благоговейное дерзновение в проявлении дарованного Богом таланта.

Поэт Иван Переверзин следует именно этим путём.

В крик кричит душа птицей раненой!
В крик кричит душа! Ну и что ж?
Жизнь грядущая затуманена,
Словно поле в осенний дождь.

И не в силах я зорким зрением
Разглядеть — где радость, где грусть...
Будто сердцем от страхам в темени —
Полуночном на части рвусь!

В чём же выход? Мне зло не верится,
Что его в самом деле — нет.
Надо только судьбой довериться
Песням, в темень несущим свет!

Запевай, душа, хоть совсем нет сил,
Через силу — на воле — пой!
Не найти вовек на святой Руси
В счастье — счастье, в покое — покой.

Это путь вступления в божественный мрак,
в «безвидное и безвещное место ведения», подобно

ветхозаветному Моисею. При таком приближении к Источнику Света Бог представляется, да и есть на самом деле «Свехсущественный и Непостижимый Ум». Но мы видим в стихотворении «В крик кричит душа птицей раненой», более трудным для поэта является углубление в себя, очищение своей души, *онтологический катарсис*, то есть упрощение души и трезвение и что тоже восхождение с апостолами на Фавор для переживания Преображения. Фаворский Свет для исихаста есть несозданная энергия Божия, отличная от Его сущности, энергия, благодаря которой богопознание и богопричастие становится возможным опытно, экзистенциально.

...Слова, исполненные света,
С которыми — хоть бездну лет —
И в жизни той, и в жизни этой
Я — самый солнечный поэт!

Они ко мне явились сами
В глухом ненастье, Боже мой!
Ужель меж мной и небесами
Связь установлена судьбой?!

Полное изумление охватывает всегда нашу мысль, когда она соприкасается с несоединимыми понятиями: совмещение вечного и времени, соединение Абсолютного Божества с человеческой ограниченностью. Подлинное творчество в своём изумлении и мистическом восприятии бытия, смиряет нашу взволнованную мысль дерзновенными прозрениями видимого в творении богословия, которое сочетает тайну Святой Троицы с убогим Вертепом, бескрайнего Неба с Вифлиемом, Невидимого Слова с Девическою утробой...

Во всём этом, что необъяснимо вне творческому сознанию, как необъяснимо, например, сияние света слепорождённому и гармонии звуков глухому, — в этом всём примирении всех антиномий, соединении бездны неба и ада, смерти и воскресения, гармоническое сочетание отрицания и утверждений. Поэт Иван Переверзин знает, что подлинное поэтическое творчество не есть нагромождение абсурдов и нелепиц, но целостное охватывание *воздухом поэзии* всех бездн и недосигаемых глубин, открывающихся дерзновенному зрению поэта.

Сказали, я пишу? Такого быть не может!
Лишь литераторы рожают ворох строк,
А я всего-то под диктовку Божью,
Что успевал, записывал в свой срок.

Не знаю, чем займусь... Но — в идеале —
Я был бы страшно счастлив — у Него
В секретарях служить, — как и в начале,
Так и в конце — бессмертья своего...

С удивительным доверием, верой и верно-
стью поэт Иван Переверзин относится к свое-
му Создателю; с каким дерзновением, чувствуя
Любовь Божию к своему таланту, поэт открыва-
ет глубинные тайны мироздания и щедро делится
ими со своими читателями...

Искусство интересуется человеком как явле-
нием духовного порядка, как загадочным при-
шельцем из иного мира и жаждущим уйти в иной
таинственный мир. Конечно, можно рассматри-
вать жизнь человека в разных аспектах: от жиз-
ни социальной и бытовой, до внутренней жизни
души человеческой. Но не эти предметы школь-
ной психологии интересуют творцов настоящего,
бессмертного искусства в задаче разрешения за-
гадки человека. Их интересует духовное содержа-
ние и связь двух противоположных начал в чело-
веке, — души и тела.

Для поэта Ивана Переверзина важна душа.
После смерти она отделяется от тела. Но прежде
телесной смерти, мы можем умереть душой, от-
делившись от Бога. Отделение Бога от души есть
смерть души и *вечная смерть*.

Природа русской поэзии не может допустить
смерти, она утверждает, что жизнь, как дар Божий
дана человеку навсегда, чтобы никогда (даже по-
сле физической смерти) *не умереть*! Этот дар ни-
чем нельзя оценить и измерить. Поэтому, бессмер-
тие основной, утверждающий мотив всей русской
поэзии, бессмертие это *природа* русской поэзии...

Так пой же душа, как свободная птица,
Но веруй — не в эту позорную жизнь,
А в ту, что пока в сердце свято хранится
С надеждой подняться в бессмертную высь...

Таким образом, человек на себе носит от-
печаток своего божественного происхождения.
Всматриваясь в человека-образ Божий, мы угады-
ваем и Самого Бога-Первообраз. Человек сроден
Богу; из всей природы никто больше человека не
богоподобен (по слову Филона). Поэтому Климент
Александрийский мог сказать своё замечательное
слово, что не только человек боговиден и богопо-
добен, но и Бог человекоподобен...

Поэт Иван Перевезин открывает новый под-
ход к миру. Он прозревает за явлениями жизни
настоящую, непреходящую истину. Однако, вряд

ли поэту известно, что задолго до него, в седой
древней Византии и в средневековой Европе так-
же смотрели на мир отцы церкви, и поэты церков-
ной гимнографии. Иван Переверзин, сам того не
подозревая, возрождает глубинные философские
и богословские прозрения христианского средне-
вековья.

УРОК БОЖИЙ

Не прорастай в себя, как корни,
А ввысь, где будешь жить любя,
Ты устремись, и чем упорней,
Тем плодотворнее — судьба
В твоей борьбе непреходящей, —
Ведь только с высоты видна
Жизнь вечная как в настоящем,
Так и в свет — будущем сполна.
То свет — урок не мой, а Божий,
Я лишь постиг душой его,
Чтоб быть воистину похожим
На тех, кем правит торжество
Надежды, красоты и силы —
Во имя счастья — на земле...
И не беда, что время — стыло,
И не беда, что день — во мгле...

Для поэта, таким образом, создаётся очевид-
ной соотносительность двух планов бытия, этого
видимого и иного, вечного. Видимый мир с его яв-
лениями и с самим человеком, со структурой его
психо-физического организма есть экран, на ко-
тором, как бы, отпечатаны символы вечного бы-
тия. Надо лишь суметь прочитывать эти символы,
как о том сказал Максим Исповедник; надо рас-
шифровывать таинственную криптограмму бы-
тия, доступную для изошрённого глаза духовно-
го и совершенно закрытую для непросветлённого,
чувственного зрения. В тварном мире есть соотно-
сительность с вечным бытием. Задача искусства,
воздухом поэзии показать присутствие во всём ми-
роздании творящих сил. Поэтические формы в сво-
ей запечатлённой гармонии таинственно передают
присутствие в мире иного, горнего мира. Поэтому
без поэзии нет настоящей жизни и без настоящей
жизни нет подлинной поэзии...

...И сердце радостно стучало,
в глазах, как молния, сверкала
надежда, — нету ничего,
что б я не сотворил на свете
за счастье вечное в ответе
по звёздной милости Его.

Теперь, когда жизнь на исходе,
Но духом ещё крепок вроде,
Как я желал бы до поры
Вспылать высоким вдохновеньем,
Хоть на одно стихотворенье, —
Души, вместившей все миры...

Иван Переверзин обладает, благодаря своему целостному мировоззрению, большой проникновенностью в жизнь и её тайны. У поэта

есть ясное представление о высших задачах своего дела, представления о добре и зле, и понятия о благе общественном. Эти представления и понятия живут в нём крепкою растительною жизнью, связанною с корнями почвы, на которой поэт вырос. В жизнь и в её высшие законы поэт верит непосредственно; без такой глубокой и нетронутой веры невозможно создание таких удивительно глубоких, подлинно художественных творений...

КНИЖНАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

А. А. Воронин

О КНИГЕ А. В. СУВОРОВА «ВСТРЕЧА ВСЕЛЕННЫХ, ИЛИ СЛЕПОГЛУХИЕ ПРИШЕЛЬЦЫ В МИРЕ ЗРЯЧЕСЛЫШАЩИХ»

Аннотация. Автор размышляет о книге ученого, педагога, поэта, доктора психологических наук А. В. Суворова. Воспитанник Загорского интерната для слепоглухих детей, выпускник психологического факультета МГУ, Суворов рассказывает в книге о своих научных результатах, педагогических воззрениях, делится воспоминаниями, размышлениями о месте инвалидов в обществе, о реабилитационных и коррекционных методах, о моральной и психологической ситуации слепоглухоты. В статье прослеживаются основные идеи книги, подчеркивается общечеловеческое значение деятельности А. В. Суворова, дается высокая оценка вклада Суворова в педагогику и философию инвалидности по слуху и зрению.

Ключевые слова: инвалидность, тифлосурдопедагогика, личность, культура, воспитание, инклюзия, этика, эстетика.

А. А. Voronin

ABOUT THE BOOK OF A. V. SUVOROV «MEETING OF UNIVERSES, OR DEAF-BLIND ALIENS IN THE WORLD OF SIGHTED»

Summary. The author reflects on the book of the scientist, teacher, poet, doctor of psychological Sciences A. V. Suvorov. A graduate of the Zagorsk boarding school for the following pogojih of children, the graduate of psychological faculty of Moscow state University, Suvorov says in the book about their research results, pedagogical beliefs, de-divisible memories, reflections about the place of disabled people in society, on a rehabilitation and correction methods, about the moral and psychological situations were covered of deaf-blindness. The article traces the main ideas of the book, emphasizes the universal importance of the activities of AV. Suvorov, is given a high assessment of Suvorov's contribution to pedagogy and philosophy of disability on hearing and sight.

Key words: disability, personality, culture, education, inclusion, ethics, aesthetics.

Встреча вселенных — это очень глубокое противопоставление мира зрячеслышащих и мира слепоглухих. Вселенная — это даже не соседняя страна, это световые годы в степени бесконечность. А с другой стороны — А. В. Суворов настаивает на том, что слепоглухие люди — такие же, как и все остальные, что нельзя их отделять и стигматизировать. Это противоречие составляет основную интригу, смысловой нерв книги [6]. Читатель видит глубину этой пропасти, но видит также, что ее можно преодолеть. Опыт автора и есть преодоление пропасти, мост между мирами. Опыт этот, этот мост — не единичное, а в принципе доступное дело для многих людей с инвалидностью, какой бы тяжелой она ни была. Хотя слово «опыт»

не совсем точное — оно скорее описывает пассивные переживания, а здесь мы видим активное конструктивное отношение к себе, своим возможностям и к своему миру, которые — все три — практически выстроены А. В. Суворовым из «ничего». Как не вспомнить знаменитое возражение Лейбница Локку: «нет ничего в разуме, чего не было прежде в ощущениях» — утверждал Локк. «Кроме самого разума» — парировал Лейбниц. Так что же существует помимо ощущений? — Вопрос для инвалидов «сенсорников» далеко не праздный. Это личность, ее достоинство, ее труд и ее конструирование себя — из того, что оказалось доступным в тяжелейшей беде. «Применительно к инвалидам цель — их включение в мир

здоровых, уничтожение какой бы то ни было изоляции от мира здоровых» [6, с. 184]. Сенсорная или двигательная инвалидность ни в коем случае не равна личностной ущербности, попросту человеческому достоинству, или просто человечности — ключевого слова всей книги. Две вселенные должны жить рядом. Отношение к инвалидам — мерило нравственности общества — это часто повторяют, и так же часто забывают. Правила и техники совместного проживания — дело очень непростое. Зрячеслышащая вселенная должна пригласить инвалидов жить в одном доме, в одном обществе. При этом отношение к инклюзии должно быть, много раз подчеркивает А.В. Суворов, очень взвешенным, осторожным, исключительно индивидуальным. С одной стороны, «становление личности слепоглухого в нормальном, то есть человеческом, коллективе зрячеслышащих ускоряется» [6, с. 188]. Но с другой — бросить инвалида без помощи, без опеки на произвол судьбы — значит просто погубить его. В частности, в педагогике и образовании — «в корне порочна установка на инклюзивное образование вместо всякого иного. Правильно и вообще грамотно ставить вопрос об инклюзивном образовании наряду с другими формами образования, в том числе с коррекционным» [6, с. 231]. «Инвалиды — не какой-то особый «народ», а самые обычные люди, попавшие в необычно сложные, экстремальные условия существования, и эти условия диктуют некоторое видоизменение общечеловеческой культуры, цель которого — как раз приобщиться к этой культуре с наиболее возможной полнотой, а ни в коем случае не заменить общечеловеческую культуру какой-то особой «малой культурой». Я принципиально стою на позициях самой широкой интеграции инвалидов в остальное человечество, и прежде всего духовной интеграции... В то же время я категорически против игнорирования самого факта инвалидности, против того, чтобы «делать вид» будто инвалидности нет, будто инвалид — не индивид, будто ему не труднее во многом, чем более здоровым людям» [6, с. 290].

Книга А.В. Суворова — необычная. Я такой книги никогда не читал, не видел. Предмет, метод, объект, композиция, тематика, язык, смысл, аргументация — все обычные критерии разбора литературного — и научного — произведения в этой книге настолько особые, ни на что не похожие, что не по этим категориям строится ее восприятие. И в то же время, это вовсе не сигнал из далекой вселенной, не исповедь пришельца (как любит приколоться наш автор), это опять-таки — что-то

иное. Не буду даже пытаться найти слово — наверняка у каждого читателя останется свой собственный образ книги, каждый читатель по-своему будет наполнен чтением. Тем не менее общий остов книги — это преодоление жуткого несчастья, которое сваливается на людей — чаще всего — детей — инвалидности, слепоглухоты, немоты. Путь и смысл этого преодоления.

Почти одновременно вышли две книги — А.В. Суворова и вторая — Б.Г. Юдина «Человек: выход за пределы». И вот что интересно — Юдин пишет о стремлении человека выскочить за рамки природной определенности — пусть в поисках химерического трансгуманизма, пусть в дебри виртуальности или биотехнологического улучшения. А Суворов наоборот, описывает проблему и пути ее решения — как в человеческие пределы войти, как другая вселенная тянется и рвется к нормальности, к полноценности именно в рамках тех возможностей, которым располагают здоровые люди. Казалось бы, какие разные предметы, задачи и мотивы у авторов. Да, верно, разные. Но есть и общее — это проблемы границ человеческого и иного. В одном случае — с инвалидностью, нижняя граница проходит между органическим существованием и полноценной субъективностью. Во втором — между человеческой природой и техногенным будущим человека. И не удивительно что в книге Суворова главное слово — человечность.

Есть книги, написанные в жанре интеллектуальной автобиографии. Но такого открытого, глубокого, искреннего и деликатного самоанализа мне не встречалось. Исследование своей жизни, проделанное А.В. Суворовым как психологом, доктором наук, это не просто междисциплинарная задача, в нем неразрывны психология как наука, психология как внутренний мир, педагогика, эмоциональность, мораль, эстетическая одаренность и добрый юмор.

Полный тезка А.В. Суворова — великий полководец, Александр Васильевич Суворов-Рымникский прославился многими победами, переходом через Альпы и поимкой Пугачева. Для того, чтобы побеждать, граф пользовался многими ресурсами — обученным войском, надежным вооружением, мощной мотивацией, он воевал во славу двух матушек — России и императрицы. Был скромн, смел и очень умен. И воевал с врагом внешним — европейцем, и с врагом внутренним — бунтовщиками и ворами. Такое сравнение очень о многом говорит. Наш современник Александр Васильевич Суворов — хоть не граф и не маршал, а победы его ничуть не меньше и не менее почетны. У него не было и нет врага

внешнего. У него не было и нет таких ресурсов. Его мотивация не настолько возвышенная — матушка Россия к нему почти равнодушна, а матушка императрица, будь она жива-здорова, его бы просто не заметила. Так что сражаться А.В.Суворову пришлось самому, на своей территории, со своей инвалидностью, со своим организмом и со своей бедой.

Это книга от имени другой вселенной, иначе устроенной, — отвечающей своим ограничениям потрясающей мобилизацией двух составляющих — сенсорной и духовной. Вселенная, приоткрытая книгой Суворова, живет внутри вселенной зрячих, слышащих и говорящих людей, но только несколько человек имеют пропуск в мир «инопланетян». Это персонажи, описанные А.В.Суворовым: А.В.Апрашев (директор Загорского интерната для слепоглохих детей), И.А.Соколянский (профессор, основатель отечественной тифлосурдопедагогики), Э.В.Ильенков (философ, учитель и духовный отец автора), А.И.Мещеряков (доктор психологических наук, теоретик и практик тифлосурдопедагогики), Ф.Т.Михайлов (философ, теоретик самосознания), немногие еще люди, живущие сразу в двух вселенных, знающих тайну переливания сознания — этой крови культуры — через пропасть полной темноты, полной тишины и молчания. Самая главная роль в этом принадлежит Сашиной маме: «Мама заложила фундамент моей личности, на котором потом строило, перестраивало, достраивало множество людей, в том числе, конечно, и я сам» [6, с. 83].

У меня в детстве был диафильм «Слепой музыкант», там рассказывалось о слепом мальчике, который стал хорошим пианистом. И я, напроць лишенный музыкального слуха, завидовал этому мальчику, и представлял себе, что вот если бы я ослеп, то стал бы точно таким же музыкальным гением. Потом я помню в детстве мы играли «в слепых»: с закрытыми глазами надо было повернуться несколько раз вокруг себя и потом найти какие-то предметы на полу, на столе и в шкафу. Так вот осталось ощущение сильнейшей концентрации, которая включалась «сама», и удавалось что-то найти именно благодаря ей. А потом, когда игра кончалась, она пропадала. Наши пять чувств дают нам некоторую избыточную информацию об окружающей среде, мы можем расслабиться и при этом не попасть в сложную ситуацию. Нам приходится включать концентрацию только в редких неожиданных или опасных случаях. Концентрация играет важную роль в жизни инвалидов, она и мобилизует, и мотивирует людей на активное противостояние своей беде. Но если человек слепоглохонемой, то от него требуются титанические

усилия, чтобы не закрыться вовсе и не отказаться от борьбы за свою жизнь, — тем более, что исход этой борьбы человеку никогда заранее не известен¹. И счастье, если рядом оказываются люди, которые помогли Александру Сергеевичу почувствовать возможность победы, не дали угаснуть достоинству и дерзости — сражаться и побеждать.

Казалось бы, жизнь слепоглохого человека спрятана «на дне колодца», не только от него самого, но и от нас, окружающих его людей. А вот выходит, что свою жизнь А.В.Суворов видит и описывает с такой прозрачностью, с такой глубиной и непосредственностью — не становясь при этом «таким простым», то есть плоским и тривиальным — что позавидуешь! Огромная, годами воспитанная культура самопознания — плод не столько профессии психолога, сколько постоянной внутренней работы души. И самосознания.

Поскольку эта книга для меня — больше, чем текст, размышлять о ней тоже можно как о чем-то большем. Не просто о том, как вопреки недугам обретается полноценная личность, потому что это повесть не просто о настоящем человеке. Это автобиография, во всей полноте раскрывающая познавательные, коммуникативные, моральные, эстетические компоненты жизни вот этого, конкретного человека — Александра Суворова, Ёжика. Опыт научного самоанализа. Своего становления, своих фобий, страданий, привязанностей, побед, — о многом мы, зрячеслышащие, можем только догадываться. То есть это самая настоящая исповедь, прямой репортаж из «другой вселенной».

Книга богата разнообразным содержанием, но у нее четкая структура: четыре части, тематизированные «от абстрактного к конкретному». Первая часть — гносеологическая, вторая — о тифлосурдопедагогике, третья — о совместной педагогике, четвертая — о личностной реабилитации. Поскольку книга междисциплинарная, в каждой главе присутствуют разножанровые и разнородные фрагменты. Попробую пунктирно наметить общую логику, отметив основные мотивы. Но сразу признаюсь, без претензий на исчерпывающую полноту — я не хочу отбить у читателя охоту самому прочесть всю книгу целиком.

Первая часть — о том, как возможно познание, как возникает и совершенствуется сознание слепоглохого человека. Абстрактные философские

¹ Напомню читателям о книге Гоши Московцева «Я дышу», в которой он пишет о преодолении казалось бы неизлечимой болезни — муковисцидозе. Тот же мотив — болезнь мобилизует в человеке силы, которые кажутся неправдоподобными, и о которых здоровые люди не подозревают.

вопросы приобретают самую что ни на есть конкретную форму, в которой слиты гносеология, педагогика, этика и эмоциональная душа. Мне совершенно по-новому теперь видится концепция «обращения», которую так горячо пропагандировал Феликс Трофимович Михайлов — он сформулировал ее благодаря работе с Суворовым. Смысл этой концепции в том, что основной «клеточкой», исходным пунктом формирования и развития сознания (и самосознания) для Михайлова было обращение одного человека к другому целостным коммуникативным актом, в котором спаяны практически все душевные силы и способности человека — это и интерес (познание), и слово (язык, речь), и эмоции (душевные движения), и ожидание ответа (зачатки социальности), и манеры (из них получается эстетическое отношение). Только такая целостность, как ни парадоксально, является аналитическим основанием психики и сознания! И еще один, не менее парадоксальный вывод: сознание есть эпифеномен самосознания. Не осознавая себя как субъекта обращения, человек не в силах выработать субъект-объектных ориентиров, не способен проводить операций различения и отождествления, которые лежат в фундаменте сознания. Напрашивается аналогия этих соображений Ф.Т. Михайлова с мыслями А.В. Суворова о том, как возникает сознание у «сенсорных» инвалидов. То есть коммуникативная природа «тэхне» лежит в основе такого обучения! Предметные, материальные, ментальные, знаковые средства общения, окружающие нас со всех сторон, суть посредники между взаимодействующими людьми. В них заложены накопленные алгоритмы поведения, в целом составляющие человеческую культуру. С этой точки зрения самая простая палка, железка, ткань или бумага — любое обработанное вещество, ставшее зачем-то нужным человеку, автоматически становится элементом сложнейших коммуникативных связей. Посредничество между общающимися людьми имеет жесткую логику, — правила оперирования предметом, вещью, знаком, жестом. Усвоение таких правил шаг за шагом образует устойчивые ментальные фигуры, из которых возникают образы и представления. На этом основано первоначальное обучение детей инвалидов самым простым и самым важным навыкам бытового поведения — самообслуживанию, ориентации в пространстве, еде.

Способными не рождаются, ими становятся — один из лейтмотивов книги. Обучение необходимо как постепенный переход от полного контроля за ребенком до самостоятельности, в пределах

возможного, до рефлексии и творчества, в том числе и педагогического. ... «При инвалидности можно превратить свое тело в орган, орудие реализации того или иного мастерства, и именно на уровне мастерства — таланта» [6, с. 153].

«До специального обучения слепоглухонемого ребенка просто нет как человеческого существа» [6, с. 25]. С самого раннего возраста, с момента обнаружения инвалидности необходима специальная коррекционная помощь. «Человеческое сознание может возникнуть только во взаимодействии с другим человеческим сознанием» [6, с. 23]. Как это достигается? У ребенка отсутствуют навыки оперирования предметами, которые нужны для еды, умывания, одевания, гигиены и т.д. Есть два варианта действий: полностью обслуживать малыша, лишить его возможности проявлять активность, когда ему что-то понадобилось, или наоборот, постепенно и терпеливо включать в контекст его жизни разные предметы, например, ложку, которой надо есть. Предметный мир становится посредником между ребенком и воспитателем (родителем), он шаг за шагом наполняет жизнь ребенка орудиями как элементами культуры. Ложка превращается в ментальное содержание, в образ ложки, тем самым выполняется важнейшая мыслительная процедура — обобщение и абстрагирование: поскольку ложки могут быть разными, но они тем не менее имеют общее понятие, сущность. Далее, образ ложки задает предметное поле, или контекст еды, в него вложено уже огромное разнообразие эталонов действия [6, с. 26], которые раскрываются исподволь, как бы сами собой. В результате возникают правила поведения, а вместе с ними — осознание себя как субъекта! Способом достижения эти самых простых, но и самых важных результатов служит совместно-разделенная деятельность — исток и сознания, и воображения [6, с. 24]. Обучение слепоглухонемого ребенка идет так: взрослый начинает совместное действие, ребенок его продолжает [6, с. 115]. А.И. Мещеряков писал: «между субъектом (ребенком) и предметом его потребности вклинивается вещь (орудие) со скрытым в ней общественным значением» [3, с. 121]. Ребенок осваивает и мир вокруг себя, и себя в этом мире при помощи учителя — человека, который действует одновременно с ребенком — орудуя ложкой, натягивает чулочки, умывает, сажает на горшок, причесывает... — и постепенно сокращает долю своего участия в деятельности ребенка, вынуждая его брать часть ноши на себя, самостоятельно справляться со своими нуждами. Если же тотальным уходом погасить активность ребенка на

стадии овладения бытовыми навыками, потом ее уже не разбудить, или она будет сильно подавлена. Таким образом, основным механизмом компенсации инвалидности является деятельность.

Постепенное — поэтапное, согласно П. Я. Гальперину, — овладение своей субъективностью сопровождается открытиями, которых мы не знаем, но которые важны для слепоглухого человека. Сенсорные и перцептивные ощущения создают субъективность слепоглухих. Но есть разница между ощущением — сенсорикой, и восприятием — перцепцией. Можно подумать, что это просто терминологические нюансы. Ан нет, различие между ними играет важную роль в формировании алгоритма узнавания. В дактильной речи восприятие опережает ощущения, забегает вперед, то есть человек заранее, до конца слова или фразы схватывает его смысл. Казалось бы, с таким трудом достигаемое узнавание должно бы расширять познавательную активность, но у сенсорного познания есть моральные рамки. А. В. Суворов пишет об этических тормозах — ему неловко ощупывать собеседника, его лицо [6, с. 41]. (с. 41).

Вот еще один звучный мотив книги: у слепоглухих людей сильно развита интуиция, вообще в сильнейшей степени отобилизованы разные способы невербальной ориентировки, которые компенсируют сенсорный дефицит. Интуитивные ощущения позволяют им воспринимать тончайшие оттенки и телесных, и душевных состояний собеседников. Отсюда такая деликатность, чувствительность к мельчайшим нюансам поведения — как своего, так и ближнего. То, на что не обратит внимания зрячеслышащий, может вызвать бурную реакцию инвалида, чаще всего обиду, раздражение, даже агрессию. «Слепота лишила меня возможности созерцать физически, зато вынудила особо точно, расчетливо действовать и тем самым видеть «внутренним взором», духовно» [6, с. 68]. И видеть полно и метко, в том числе и в рефлексии, — ему приходится отдавать себе отчет в том, где проходят границы его независимости, как они соприкасаются с таковыми границами близких людей, не слишком ли он самоуверен и требователен, не навязывает ли он своей шкалы ценностей другому человеку [6, с. 71]. Зависимость от посторонней помощи часто развивает в инвалидах чрезмерную требовательность к окружающим людям, постоянные обиды, что им уделяется недостаточно внимания, стремление навязать, подчинить себе круг близких. Поэтому, отстаивая свою личностную независимость, Суворову приходилось воспитывать в себе сдержанность, деликатность, чуткость

к тому, не перегибает ли он палку, обращаясь и общаясь со своими собеседниками и партнерами.

Вот что интересно: в главе 1, гносеологической, масса соображений эмоционального, ценностного, характера. Познание мира, рефлексия, самоанализ вовсе не принадлежат чистой «теории познания». А. В. Суворов отказывается от традиции рассматривать субъективное познание в отрыве от эмоционально-экспрессивной жизни. Как говаривал Ф. Т. Михайлов, познание аффективно, и аффект прочно лежит в основе «обращения». И как ни парадоксально, для Суворова квинтэссенцией эмоциональных переживаний осталось музыка. Она сопровождает Суворова всегда и везде, благодаря счастливому стечению обстоятельств — остаточному слуху, чувствительности к вибрации, и в последние годы — усовершенствованным звуковоспроизводящим устройствам. «Слепоглухие — в том числе и я — инвалиды, у которых глухота наступила после формирования речи», поэтому сохранилась устная речь и остатки слуха. [6, с. 107]. Правда, возникло значительное смещение звуко-высотного диапазона. «В более низком диапазоне до меня доходят более тихие звуки, а в более высоком — еще более тихие, чем в низком» [6, с. 50]. Но музыкальность была у Саши с детских лет, и компенсация потери слуха уже в зрелом возрасте стала возможной благодаря техническим устройствам. «Музыка во мне звучит постоянно. Моя собственная, внутренняя. Ни в какой иной форме мои настроения просто не существуют... Не представляю себе духовной полноценности без высокой культуры чувств, а это значит — без высокой музыкальной культуры» [6, с. 55].

Самопознание — плод длительных раздумий, так полно и выразительно представленный Александром Васильевичем, что его смело можно считать пособием по внутреннему миру человека. И в том числе не инвалидного, любого. Общечеловеческая культура, доступная Суворову в основном благодаря книгам, не заполняет вакуумный сосуд, не чертит на чистой доске свои письмена, нет. Она приобретает конфигурации, изначально существовавшие в характере — воли, любознательности, мужества, тонкости, деликатной восприимчивости и уверенной самостоятельности. Суворов не так подвержен пестроте восприятий внешнего мира, и он одинок на площадке принятия решений. Эта беда оборачивается для него благом: он сам несет всю полноту ответственности за свои слова и поступки, и у него сложились четкие и нерушимые принципы жизни. Вообще ответственность — одно из главных слов

и устоев Суворова. «...у меня лично ...скорее этическое, чем теоретико-познавательное понимание разума, в основе которого лежит категория ответственности за мир, а познание мира связано сначала с необходимостью выжить, а затем, в интересах выживания, — познание» [6, с. 97].

Моральное самоопределение основано на рефлексии, на осознании своего места и своей роли в жизни — своей и чужой [6, с. 76]. Хотя термин «рефлексия» кажется Суворову неточным: самосознание скорее есть «теоретическое отношение к жизни через теоретическое отношение к самому себе» [6, с. 86]. Я понимаю это как некую остроту, как взгляд на себя не просто со стороны, но еще и со стороны теоретических конструкций, напрямую или исподволь сообщенных Суворову его замечательными учителями. Речь идет о постулатах культурно-исторической школы психологии, об ильенковской теории личности, о понимании культуры как главного «органа чувств», ведь только в культуре человек и становится человеком, и открывает для себя мир других людей. Благодаря новым техническим устройствам, позволяющим легко переходить с брайлевской клавиатуры на кириллицу и обратно диапазон коммуникации расширился для Суворова почти безгранично: он может читать книги, пользоваться электронной почтой, то есть общаться с огромной аудиторией¹. Вход в библиотеки стал входом в общечеловеческую культуру. Тем самым подтвердив теоретические положения учителей Суворова о тождестве культуры и личности. Открытие это оборачивается настоящим чудом: «Счастье — это посильность, разрешимость проблем» [6, с. 357]. «Я в большей мере счастлив, чем несчастен. Счастлив справляющийся» [6, с. 79].

Афористическая лаконичность — одна из прелестей языка книги. Такие перлы встречаются частенько, вот, например, еще один: «борьба за правду освобождает от необходимости жить по правде, откладывает жизнь по правде до окончательной победы в «борьбе за правду». Противники правды — как раз борцы за правду» [6, с. 78]. Чистота языка сродни детской простой и выразительной речи, в которой глубокие содержания маркируются яркими образами. «Детская вешалка», «пальцы — наши лучи», «разведчик науки на планете слепоглухоты» [6, с. 58], «теоретик собственной жизни» [6, с. 96],

«свет детской любви» [6, с. 400]. Это неспроста: сказывается долгая работа с детьми и изощренный литературный вкус. Я уже говорил, что книга многожанровая, поэтому в ней такие «вольности» выглядят не как упрощение языка, а как его богатство. Цитата: «...любой мой научный текст самым фатальным образом соскальзывает в публицистику, эссеистику и, наконец, откровеннейшую лирику» [6, с. 81]. Наверное, благодаря этому А.В. Суворов вернул в жизнь слова, до сих пор заезженные-затертые до полного исчезновения их смысла — личность, достоинство, саморазвитие, культура межличностных отношений, самовоспитание... И уж коли речь зашла о стилистике книги, отмечу еще одну важную вещь: автор чужд какому бы то ни было самолюбования, рисовки, несмотря на то, что знает себе цену. Ни одной нотки высокомерия, самовлюбленности, самопиара в книге нет, потому что нет в самом авторе. И потому, что масштаб личности не таков, чтобы потакать своему самолюбию: «будущая всеобщая, поголовная духовность (а это значит прежде всего человечность) — вот главный предмет моей постоянной страсти, моего самого сильного, преобладающего чувства. Любовь к будущему духовному совершенству людей, даже без надежды на его осуществимость — вот мое главное чувство» [6, с. 85].

Тут мы подошли к самому главному. К самому главному и в книге, и в авторе, и в обращении автора к своей аудитории. «В общем, слепоглухота предъявляет крайне жесткий выбор: или научиться жить полноценной творческой, напряженной духовной жизнью, компенсируя недостаток «живого» общения через книги и результаты своего собственного творчества, — либо так и мучиться своей ненужностью, неинтересностью, обвиняя в равнодушии, бессердечности весь мир. Третьего слепоглухота не дает» [6, с. 95]. Вспоминаю фильм Альгиса Арлаускаса «Прикосновение», снятый в 80-е годы о Суворове. Кадры, которые особенно ярко запомнились — люди, едущие в электричке, и Саша среди них. Камера подробно фиксирует выражение лиц в вагоне — кто спит, кто лениво смотрит в окошко, но единственный человек, у которого на лице отражена богатая духовная жизнь, напряженное состояние души — это он, Саша Суворов. И в этих кадрах нет никакого преувеличения, всё как обычно, знакомая картина. И даже обидно за здоровых, но равнодушных ко всему на свете, погруженных в мелкие заботы людей, привыкших к своей усталости от серой повседневности. «Нельзя расслабляться. Иначе — личностный крах. А постоянная отомобилизованность

¹ Брайлевская клавиатура позволяет переходить с кириллицы на латиницу и обратно точно так же, как и обычная, зрячая. И кириллица, и латиница у Суворова брайлевская, то есть рельефно-точечный шрифт на брайлевском дисплее (строке), заменяющей экран.

предполагает, что ты всю жизнь — с детства до старости — находишься на вершине своих возможностей. Возможности в ходе самообразования расширяются, и вершина становится все выше и выше. Сначала это только твоя вершина, твой высший уровень..., но однажды может оказаться, что твоя вершина — уже не только твоя, а общечеловеческая» [6, с. 243].

Но к такому выводу человек приходит не сразу, ведь зрелость суждений связана с возрастом. Чтобы с детских лет не предоставить ребенка его беде, чтобы дать ему шанс выкарабкаться на поверхность самостоятельности и ответственности, надо мягко и постепенно подводить ребенка к этой жесткой констатации. «Нельзя скрывать правду (об инвалидности и ее импликациях. — А.А.В.), но можно смягчить ее любовью, вниманием, общением» [6, с. 74].

И автор формулирует жизненно важную установку, которую я бы назвал «доктриной Суворова» — восприятие инвалидности не с отрицательной, а с положительной «бухгалтерией» — не с точки зрения потерь, а с точки зрения приобретений [6, с. 368]. В разговоре с девочкой инвалидом, которая поделилась с А.В. своими страданиями, ведущими к суицидным мыслям, он говорит не только об ответственности перед близкими людьми, но и о том, что надо суметь так воспринять свою беду, чтобы поменьше мучиться инвалидностью, ограничениями, а побольше ценить их преодоление. Вот положительный ответ на основной вопрос философии, как его ставил А. Камю, — о самоубийстве. Бунт, который провозглашал Камю — не выход, это апофатическое определение. Бунт — это всего лишь путь, дорога. Если использовать модное изречение — к «храму». Камю храм не нужен. Ему нужен путь. А Суворову нужен и путь, и храм. Многим такой ответ покажется, скорее всего, наивным, простеньким. Детским. Неизощренным по своей антифиоритурности. Но ведь и у Суворова, и у его собеседницы, парализованной девочки, этот вопрос вовсе не литературный, не праздный, не абстрактный, не теоретический. Это вопрос страшный, мучительный, болезненный. Жить или нет. «Суицидные настроения — расплата за сколько-нибудь нормальный интеллект в условиях тяжелой инвалидности» [6, с. 274]. Сколько же силы надо мобилизовать в себе, чтобы избрать «положительную бухгалтерию», сколько мудрости и мужества! Преодолеть — значит победить. Такое несчастье, такую беду. «Желание жить у меня частенько пропадает из-за того, что я всё необратимее устаю от необходимости побеждать слепоглухоту каждую

секунду... Я неплохо — лучше многих — приспособился к жизни в этой ситуации, но я никогда не мог и не смогу с этой ситуацией смириться. Отсюда вечный поиск обходных путей к реальной человеческой — личностной — полноценности» [6, с. 201]. Обходных — это значит альтернативных, дополнительных по отношению к тем, которые ему предлагаются его близкими — сопровождающими, учителями, друзьями или родственниками. Так складывается личное пространство, независимость, которая обходится недешево — ошибки бывают болезненными не только в физическом, но и в душевном планах. Но без независимости, свободы, самоопределения — пусть в ограниченных масштабах, Суворов себе жизни не представляет. «Я так сформулировал альтернативу: либо жить, либо прозябать. И я решил для себя, что прозябание — хуже физической смерти» [6, с. 368].

Суворов — довольно плодовитый автор. Но в книге нет ссылок на авторские работы! Ни на научные, ни на прозу, ни на стихи. Наоборот, свои очевидные заслуги, авторство которых принадлежит ему по праву, он делит с коллегами и сотрудниками. «Сам я от “родительских прав” на совместную педагогику» отказываюсь [6, с. 170], — пишет Суворов. Дело в том, что в прошлые годы разгорелись споры о приоритете на первенство и авторство этой педагогической доктрины. Так вот из этой борьбы за приоритет А.В. Суворов выходит, высказывая опасение, что ненароком эту книгу могут воспринять как очередной раунд споров. Главное — что совместная педагогика, к которой Суворов пришел 1988 году, приехав в пионерлагерь «Салют» с четырьмя слепоглухими ребятами, существует и распространяется. И как практика, и как теоретическое обоснование, и как педагогическая доктрина.

Педагогическая деятельность занимает огромное место в жизни и в работах Суворова. В книге много рассказано о Загорском интернате, о многочисленных опытах инклюзивного воспитания детей инвалидов, об эксперименте, который длился не один год в пионерском лагере «Салют», о многочисленных поездках Александра Васильевича по стране — на Юг и на Север, на Запад и на Восток. И выяснилось, что совместная педагогика — вовсе не односторонний процесс «заполнения» мира слепоглухих детей духовностью зрячеслышащих. Это процесс взаимный, обоюдный. Детские коллективы меняют свои качества — становятся добрее, восприимчивее, предупредительнее и к инвалидам, и вообще ко всем остальным — как в отряде, так и шире, с другими людьми. Уж не говоря

о самих больных детях: «Прокливание инвалидности в связи с человечностью — мощнейший стимул полноценного развития и существования личности. Этот стимул — стремление быть со своими здоровыми друзьями, несмотря ни на какую инвалидность, — должна стать решающим мотивом, побудителем к самореабилитации у слепоглухих детей» [6, с. 187]. Именно так преодолевается разрыв между вселенными. Преодолеть ограниченность от мира здоровых людей, избавиться от одиночества оказывается возможным, превратив его в уединение — труд любознательной и активной души. «Уединяясь, я напряженно сам с собой общаюсь... Уединение — это умение общаться с самим собой, неумение скучать» [6, с. 230–231]. Поэтому так важно индивидуально общение и общение с собой. Только индивидуализация может привести к полноценной личностной инклюзии, или просто включению в жизнь.

В педагогике вообще трудно отделить теорию от практики. Ни одна педагогическая теория не в силах измерить и эксплицировать личностную харизму педагога, его обаяние, его любовь и любовь к нему. И хотя эмоциональные факторы воспитания активно изучаются и используются, они из теорий в практику не «делегируются». Вот и принципы совместной педагогики — теория или практика? И то, и другое, и еще опыт, мудрое понимание, нежная забота и суровая правда. Главный принцип — человечность, взаимопомощь и труд, который позволяет ребенку быть человеком, сейчас и здесь — в противоположность пионерскому лозунгу — стать человеком когда-то в будущем. Надежность. Взаимная интеграция: «единственно человечно только взаимная интеграция», устранение барьеров между здоровыми и больными людьми — дело в основном как раз здоровых, дело их инициативы. Принцип совместно-разделенной дозированной деятельности, обоснование которого Суворов видит в концепции Ф. Т. Михайлова о структуре обращения. Принцип преобладания индивидуальных форм работы над массовыми действиями. Надо надеяться, что этот принцип не будет похоронен гонениями на авторские школы, внедрением ЕГЭ, тестов и компьютерных обучающих программ — обезличкой образования, низведения воспитания до уровня выволочек за проступки, вызовов родителей на школьный ковер и вообще забвением воспитательной роли школы. Принцип поиска сочетания заботы и самостоятельности, или принцип профилактики детского паразитизма, спекуляции на взрослой

жалостливости. Принцип поиска обходных путей решения проблем: по сути — принцип свободы для инвалидов, который обеспечивает личностную самостоятельность, нахождение своей собственной альтернативы поведения, избавляет от полной зависимости от посторонней помощи. Не буду перечислять все, но вот четырнадцатый принцип пропустить невозможно. «Нельзя расслабляться. Иначе — личностный крах. А постоянная отмобилизированность предполагает, что ты всю жизнь — с детства до старости находишься на вершине своих возможностей» [6, с. 243].

Заключительная четвертая часть книги — о том, какими способами возможно включение взрослых слепоглухих в жизнь зрячеслышащего общества. О том, как учились на психологическом факультете МГУ четверо слепоглухих студентов, как было организовано учебное пространство и как оно менялось со временем и с новыми техническими приборами, какие им встретились учителя, и какая дружба связала на долгие годы учеников с учителями. И о конвейере доброты, как назвал Суворов среду, в которой он рос как исследователь и педагог. Я сомневаюсь, что такая среда существовала и существует сама по себе, как повсеместное открытое и дружелюбное отношение к инвалидности, и уверен в том, этот конвейер включал сам Суворов. Он прекрасно понимает, что «Острее всего психологическая проблема взаимоотношений с другими людьми, а не физиологическая проблема исправности глаз и ушей» [6, с. 293]. Так что рулить этими отношениями ему пришлось и приходится самому. И самому изобретать инструменты самостоятельности, вроде тетрадок, которые всегда были при нем, и в которых на отдельных страничках были записаны просьбы к окружающим — помочь в том или ином случае, если он путешествует по городу один.

В конце книги несколько приложений. Это проза, воспоминания, рассказы о близких, о детях, о взрослых, о путешествиях и забавных случаях в разных местах. Несерьезные сюжеты. Из которых становится ясно, что полнота жизни, научная и литературная работа, бесконечная возня с малышкой — больной и здоровой, музыка в душе, стихи на бумаге... всё это выражено в последней фразе книги: «Чувствую себя счастливым от того, что у меня есть друзья. Есть поддержка. Я востребован. А творческая самореализация — это как дышать. Было бы чем дышать, то есть было бы творчество. Вы же не прыгаете от восторга, при каждом вдохе и выдохе?» [6, с. 508].

Список литературы

1. *Басилова Т.А.* История обучения слепоглухих детей в России / Татьяна Басилова. Научно-популярное издание. — М.: Эксмо, 2015. — 208 с.
2. *Ильенков Э.В.* Становление личности: к итогам научного эксперимента // Коммунист — 1977. — №2.
3. *Мещеряков А.И.* Слепоглухонемые дети. М.: Педагогика, 1974.
4. *Михайлов Ф.Т.* Самоопределение культуры. Философский поиск / Ф. Т. Михайлов; Рос. акад. наук. Ин-т философии. — М.: Индрик, 2003. — 271 с.
5. *Московцев Г.Н.* Я дышу, или муковисцидоз изнутри. СПб.: Питер, 2013.
6. *Суворов А.В.* Встреча Вселенных, или Слепоглухие пришельцы в мире зрячеслышащих. М.: Эксмо, 2018. — 512 с.

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА

А.С. Чернова

ВНЕ ВРЕМЕНИ

Аннотация. Вниманию читателей предлагаются две небольшие зарисовки, одна из которых ранее уже была опубликована в журнале «Философская школа» (№ 2, 2017). «Сквозь время» — это фантазия о постапокалиптическом мире без человека, героем выступает божественное существо, создатель, пытающийся исправить грехи людей и повторить сотворение такого же идеального мира. Здесь смешиваются божественное и эмоции, случай и чудо. «До времени» описывает события, происходящие задолго до основного рассказа. Он позволяет нам узнать главного героя, уже хорошо знакомого, ещё лучше.
Ключевые слова: создатель, жизнь, смерть, время, материя, пространство, пустота, тишина, звёзды.

A.S. Chernova

OUT OF TIME

Summary. Readers are offered two small sketches, one of which was previously published in the Philosophical School (No. 2, 2017). “Across time” is a fantasy of a post-apocalyptic world without a man, a protagonist is a divine being, a creator trying to correct the sins of people and repeat the creation of the same ideal world. Here divine, emotions, chance, miracle are mixed. “Before time” describes events that take place long before the main story. It allows us to get to know the protagonist, already familiar, even better.
Key words: creator, life, death, time, matter, space, void, silence, stars.

Сквозь время

Своей левой лапой, начинающейся в теле словно крыло и оканчивающейся похожей на человеческую пятипалой кистью с острыми алмазными когтями, Бог Охеп держит луну: ещё в самом разгаре войны людей, предвидя грандиозные разрушения, которые могли затронуть даже космическое пространство, она вознамерилась сбежать подальше от Земли. Тонким, похожим на кнут хвостом Бог обнимает Землю, чтобы Она от пережитых ею страданий и боли не сошла со своей орбиты: несколько сотен миллиардов лет — и Она поправит своё здоровье, а пока ей нужны ласка и забота. Драконьим кончиком своего хвоста Он разогнал километровые слои ядовитой взвеси, которая окутывала опустошённую планету вместе с её тьмой и смрадом, впуслав колкие лучи разгневанного солнца. На иссушенной войной Земле царит тишина и покой, время от времени от горячего дыхания Охепа вздымаются клубы пыли, оседая на ещё кое-где сохранившихся серых развалинах человеческих ваяний.

Грязная мёртвая вода заполняет глубокие рваные раны, размывая их и тем самым причиняя дополнительную боль, и моментально испаряется, не успев достигнуть своей цели. Но она всё же не оставляет своих попыток добраться до дуба — единственного живого существа, чудом сохранившегося на планете, — коснуться его корней, крепко вцепившихся в сожжённую пожарами и химикатами почву, и высосать из него жизнь. Это дерево помнит мир до и во время войны: внутри него смешались улыбки и слёзы, любовь и ненависть, счастье и горе — но его яркие листья продолжают играть изумрудом в свете солнца, колышутся от горячего дыхания Охепа и звенят в непривычной тишине. За долгие годы существования в человеческом мире дуб научился бороться за себя: его кора приспособилась не допускать никакие невзгоды к сердцу своего хозяина, где хранится живительная влага, которой едва ли хватит на несколько дней жизни в этом мёртвом и сухом мире, освещаемом обжигающими лучами беспощадного солнца. Пока дерево в безопасности, оно собирает свои последние силы, и вскоре

на одной из его ветвей появляется маленький, но уверенный в себе жёлудь.

Своей правой лапой Охеп выхватывает из сверкающего шара, расположенного между Его рогами, огненную лаву, искрами осыпающуюся на Его терракотовую шерсть, которая покрывает всё могучее тело, и выпускает её в темноту: Бог пытается создать такой же безупречный мир, который существовал на планете. Лава взмывает ввысь, и Охепу хватает всего одного мгновения, чтобы прочесть сущность зарождающегося мира, отвергнуть его и уничтожить. Огненный пузырь, отражаясь в чёрных, как бездны, блестящих глазах Охепа, разрывается, расцветивая темноту мелкими радужными брызгами, и алой каплей опускается на Землю, которая с жадностью поглощает в себя эту кровь — солёную и противную. Гулкий звон разрушения, сопровождающий действия Бога, отражается от тёмной пустоты и заставляет волноваться полыхающую огнями лаву на солнце, и среди грома почти не слышны тихие стоны миллионов существ, которые ещё во чреве нерасцветшего бутона жизни погибают от рук своего создателя, сердце которого спокойно бьётся в глубине Его широкой груди. Присланные из далёких центров Вселенной наблюдатели наблюдают за работой Охепа: они приняли форму глазного яблока, но глаз этот будто мёртв, белизна его неестественна и даже не отражает той величавой красоты, которой мгновение за мгновением озаряется тьма над планетой. Зрачок — чёрная дыра, которая вбирает в себя информацию и со скоростью света отправляет её куда-то далеко во Вселенную. Временами с глаза с противным чавканьем капает на Землю слизь и, шипя, образует белую пену на её поверхности...

Ни пространство, ни время, ни силы не ограничивают Охепа, и Его безрезультатные попытки осуществить свою мечту могут продолжаться до бесконечности: для него существует лишь Его цель — и Он с яростью и обидой на самого себя продолжает выпускать свою безграничную силу во Вселенную, наполняя её, словно бездонный сосуд, разрядами электричества и пылью. Лишь Земля чувствует, как течёт время: Она поглощает кровь, питает собой воду, оживляя её; кое-где зеленеет трава, зачатки которой сохранялись в глубинах Земли, куда не могла добраться вездесущая на первый взгляд смерть; стоит дуб — несчётный потомок того дерева, которое совершило подвиг во имя вечной жизни. На небе появились облака: ещё совсем тоненькие и еле заметные, но они всё же есть; иногда идёт дождь, освежая воздух и смывая пыль, от которой никуда не деться, в канавы,

оставшиеся на теле Земли в память о когда-то происходившем. На вершине холма в багровой луже крови, которую уже не хотят принимать даже недра Земли, впитывая её в себя, покоится нежно-розовое тело девы, выросшее, будто опухоль, из Земли — Её бездыханное дитя. По воле случая безустанный Охеп опускает голову и горестно вздыхает, из Его глаз выкатывается прозрачная слеза: она падает на дитя Земли и даёт ему жизнь.

До времени

Кругом была тишина. Тишина была такой тягучей и вязкой, что поглощала всё сознание Охепа. Охеп задумал себя, приоткрыл один глаз. Пустота была такой темной и липкой, что затягивала Охепа назад в небытие. Он задумался.

Охеп неловко щёлкнул пальцами, отпустил щелчок в пустоту, в никуда. Сонмы ярких брызг вихрем разлетелись повсюду в стороны прочь от Охепа, невероятно быстро и шумно убегая от него.

Мгновение, их движение замедлилось. Блеск потускнел, шум начал стихать. Охеп нахмурился.

Он поднял ладонь и быстро сжал её в кулак — все брызги мгновенно вернулись назад: туда, откуда они появились.

Охеп с интересом посмотрел на кулак и с чувством разжал его, подбрасывая и выталкивая с ладони всё, что могло там остаться.

Брызги взлетели россыпью от его ладони, стали мельче и ярче, заставили его когти переливаться разными цветами.

Так вся Пустота заполнилась каплями света.

Так вся Тишина заполнилась мириадами звуков.

Охеп закрыл глаза, вздохнул, уснул.

Когда капли света стали менее яркими, а звуки более шумными, Охеп проснулся. На бесконечность вперёд всё было усыпано звёздами и туманами. Там, где прошло его дыхание, звёзды усыпали пространство реже, а светили ярче.

Охеп ткнул когтем в одну из звезд — она ярко вспыхнула и сжалась, ещё в одну — она вспыхнула ещё ярче и сжалась ещё больше.

Будто цепная реакция: повсюду, то здесь, то там, редко, но громко, начали взрываться звёзды, иногда так сильно, что прорывали дыры в мироздании. Звуков было всё больше, они становились всё громче. Охеп чуть сжался, чтобы лучше наблюдать происходящее, приклонил голову на тыльные стороны сложенных ладоней. Где взрывалась звезда — Охеп оказывался там и наблюдал за снопом света, излучаемого во тьму при очередном взрыве.

Охеп мог наблюдать за этим вечно, но его внимание привлёк один тоненький навязчивый звук. Охеп прислушался, огляделся, пригляделся к скоплению ярких звёзд, пригляделся ближе. Ближе.

Серое, белое, синее.

Утёс.

Отвесная скала с черными выщерблинами, будто с болью разорванная часть чьего-то каменного тела. Пенные волны океана омывают её бока. Только шум воды. В остальном тишина и одиночество этих двух субстанций, которые вдвоём, но не вместе. И звук вблизи казался уже не таким навязчивым.

Охеп вернулся к звёздам и продолжил дальше наблюдать за красотой гибели звёзд. Казалось, что однажды они закончатся, но смерть одних порожидала рождение тысячи других. Капли огня множились, становились мельче, каменели.

Пришло воспоминание об увиденном когда-то на одной из окаменевших маленьких капель.

Серое, белое, синее, зелёное.

Деревья, вода, трава.

Большой гладкий валун: волны реки рядом омывают его бока. Охеп проник внутрь, чтобы стать частичкой камня и почувствовать то же, что и он. Но внутри камня было тесно, тихо, темно. Охеп вернулся к звёздам. Во вселенной стало громче и светлее, но всё так же было одиноко. Но память о том ярком, живом, шумном и пахнущем не давала покоя.

Охеп вновь вернулся к знакомому месту: валун изрядно уменьшился. Охеп сел на холодную твёрдую землю, огляделся вокруг, вздохнул, поднимая рябь на воде. Он подбросил на ладони камешек и, пока тот падал, Охеп рассыпался на бесконечное количество частиц себя, чтобы стать частью каждой материи.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВОРОНИН Андрей Алексеевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии Российской академии наук (Москва, Россия).

КРОТОВСКАЯ Наталия Георгиевна — научный сотрудник сектора истории антропологических учений Института философии Российской академии наук (Москва, Россия).

КУЛАГИНА-ЯРЦЕВА Валентина Сергеевна — научный сотрудник сектора истории антропологических учений. Института философии Российской академии наук (Москва, Россия).

МАМЧУР Елена Аркадьевна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия).

ПЕЧЕРСКАЯ Наталия Александровна — кандидат физико-математических наук, ректор-основатель Института «Высшая религиозно-философская школа» (1992-2016), Президент «Центра научно-просветительских и религиозно-философских программ» (Санкт-Петербург, Россия).

РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН Геннадий Николаевич — протоиерей, настоятель храма Архистратига Михаила в городе Липецке, член Союза писателей России, лауреат литературной премии имени И.А. Бунина и литературной премии имени Святого благоверного князя Александра Невского (Липецк, Россия).

ЧЕРНОВА Анна Сергеевна — писатель, финансовый аналитик, помощник ректора Института Непрерывного Профессионального Образования (Москва, Россия).

ABOUT THE AUTHORS

VORONIN Andrey — Grand PhD in Philosophical sciences, leading researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

KROTOVSKAYA Nataliya — Research Fellow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

KULAGINA-YARTSEVA Valentina — Research Fellow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

MAMCHUR Elena — Grand PhD in Philosophical sciences, Professor, chief researcher in the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

PECHERSKAYA Natalia — PhD in Physics and Mathematics sciences, founding rector of the Institute “Higher Religious and Philosophical School” (1992-2016), President of the «Center of Scientific and Educational, Religious and Philosophical Programs» (St. Petersburg, Russia).

RYAZANTSEV-SEDOGIN Gennady — archpriest, rector of the Church of the Archangel Michael in Lipetsk, member of the Union of Writers of Russia, laureate of the literary prize named after I.A. Bunin and literary prize named after the Holy Right Prince Alexander Nevsky (Lipetsk, Russia).

CHERNOVA Anna — writer, financial analyst, assistant of rector in Institute of Continuous Professional Education (Moscow, Russia).

КОНЦЕПЦИЯ ЖУРНАЛА «ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА»

Журнал является полидисциплинарным и полиаспектным научно-практическим изданием, синтезирующим на своих страницах широкий спектр направлений и форм оригинальной творческой мысли, а по тематике он философский, культурологический, психологический и педагогический.

Миссия журнала «Философская школа»: объединение авторов, имеющих темы для содержательного дискурса, оригинальные исследовательские разработки и проблемы для всестороннего обсуждения, а также задел для философского вопрошания и всеобъемлющей рефлексии человеческого и общественного бытия, с целью духовно-нравственного совершенствования человека посредством созидательного творческого труда в деле сохранения и утверждения ценностей духовной культуры.

Журнал не преследует иных целей, кроме указанных выше, в том числе и коммерческих, поскольку коммерциализация философии, науки, образования, культуры и религии не несёт под собой ничего, кроме уничтожения названных форм духовной жизни человека.

В журнале публикуются статьи на русском языке по направлениям: философия истории, философия культуры, философия науки, философия образования, философия веры, прикладная философия, история философии, в том числе, история русской религиозной философии, философия искусства, психология и педагогика, этика и эстетика, культура и искусствоведение, философская поэзия и философская проза, а также научно-методологические работы по фундаментальным проблемам человека, природы и общества.

Приветствуются работы авторов, выполненные на стыке философии и науки; фундаментальные исследования, интегрирующие различные научные направления и подходы; статьи, раскрывающие ключевые проблемы современности; актуальные психолого-педагогические исследования, кроме тех, которые носят узкоспециализированный характер.

Для публикации в журнале принимаются научные статьи российских и зарубежных философов, учёных, педагогов, религиозных и культурных деятелей, а также статьи представителей творческих профессий: писателей, поэтов, критиков, публицистов, художников, выполненные в жанре эссе.

К изданию принимаются персонологические исследования творческой деятельности и творческого наследия выдающихся исторических деятелей, внесших значительный вклад в развитие философии и религии, науки и образования, культуры и искусства.

При этом, главной доминантой издания является тема человека во всём многообразии его проявлений, его настоящего и будущего в нашем быстро меняющемся мире, в котором каждая личность за предельно короткий исторический период, меньший продолжительности одной человеческой жизни, проживает множество мировоззренческих эпох, таких эпох, которые в прежней истории человеческого рода принципиально не изменялись столетиями.

Журнал призван быть настоящей трибуной не только для маститых, но и для ещё совсем молодых авторов, творческая деятельность которых направлена на такие формы человеческого познания, как философия и религия, наука и искусство, культура и образование, а также на вопросы духовного, нравственного, творческого развития и совершенствования человека.

Журнал выходит в свет в печатном издании, а также размещается в полнотекстовом формате на следующих сайтах Интернета:

- Официальный сайт Института Непрерывного Профессионального Образования: <http://www.institutnpo.ru/component/tags/tag/19-filosofskaya-shkola>
- НЭБ (РИНЦ): <https://elibrary.ru/contents.asp?id=37315282>
- ЭНБ «КиберЛенинка»: <https://cyberleninka.ru/journal/n/filosofskaya-shkola>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Всем опубликованным в журнале статьям присваивается международный индекс DOI (Digital object identifier). Присвоение научному изданию (статье, монографии, диссертации) индекса DOI позволяет оперативно провести идентификацию научных публикаций автора, делает его публикации открытыми и доступными на популярных научных сайтах Интернет, способствует повышению цитируемости работ автора и, соответственно, повышает публикационный рейтинг учёного.

Объём журнала «Философская школа» и структура рубрик диктуют наиболее приемлемый объём статей, принимаемых к публикации. Он должен составлять от 24 до 48 тысяч знаков. По согласованию с главным редактором принимаются статьи либо меньшего, либо большего объёма. В одном номере журнала возможна публикация одновременно нескольких статей от одного автора.

Не принимаются к публикации материалы, напоминающие автореферат. Автор должен продемонстрировать в статье не только хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ учёных, исследовавших его прежде, но привнести своей публикацией определённую научную новизну. Все статьи проходят проверку на плагиат.

К публикации принимаются статьи в формате Microsoft Word любой версии. Шрифт — Times New Roman. Параметры страницы: размер А4, книжной ориентации; выравнивание текста по ширине; поля по 2 см (сверху, снизу, справа, слева).

Красная строка — 1,25 см выставляется автоматически.

Параметры шрифта: шрифт Times New Roman, кегль 12; начертание обычное; междустрочный интервал — одинарный; пробелы между абзацами не допускаются; перенос — не допускается.

Инициалы и фамилия автора: форматирование по центру, пишутся с пробелом, жирным шрифтом, кегль 14, после фамилии точка не ставится.

Наименование статьи: форматирование по центру, кегль 14, жирный, основной. Например: После пробела — учёная степень и учёное звание (при наличии), наименование организации, которую представляет автор статьи, занимаемая автором должность: курсив, кегль 14.

Наименование разделов статьи: выравнивание по центру, кегль 14, жирный, основной.

Дефис и тире: в статье используется обычный короткий дефис: “-” и длинное тире: “—”. Длинное тире устанавливается следующим образом: нажмите и удерживайте “Ctrl” и нажмите “-” (минус) на калькуляторе клавиатуры.

Все иллюстрации, в том числе диаграммы, прилагаются отдельными файлами с разрешением не менее 300 dpi; имена файлов должны быть только в виде цифр, соответствующим порядковому номеру иллюстрации (001.png, 002.jpg, 003.eps, ...); соответствующему файлу в тексте должна быть проставлена ссылка (Рис. 1, Рис. 2, Рис. 3, ...).

Таблицы размещаются в самом тексте рукописи.

Сноски на литературу указываются в квадратных скобках: либо без указания страницы — [12], либо с указанием страницы — [15, с. 271], где первое число — это номер источника по списку литературы, а второе число — указание на номер цитируемой страницы.

Оформление списка литературы: **Список литературы** — шрифт жирный, кегль 14, форматирование по центру, далее после пробела список использованной литературы (по алфавиту), оформленный по ГОСТ 7.1-2003, кегль 12.

Список литературы к статье должен содержать не менее 15 источников (книги, сборники, статьи). Желательно, чтобы автор включал в список литературы ссылки на статьи из предыдущих номеров «Философской школы».

Авторские тексты должны быть тщательно отредактированы. Оргкомитет оставляет за собой право не публиковать неотредактированные статьи, статьи не соответствующие указанным требованиям.

Аннотация и ключевые слова. К статье необходимо приложить аннотацию на русском языке, содержащую от 100 до 200 слов и список ключевых слов (строго 10 ключевых слов). Причём одно ключевое слово может быть составлено из одного, двух или трёх (но не больше) слов. Например, словосочетание

творческая жизнь гения — это одно ключевое слово. Аннотация обязательно должна содержать актуальность работы, описание её главной идеи и формулировку научной новизны.

Сведения об авторе публикуются в отдельной рубрике журнала. Здесь необходимо указать: фамилию, имя и отчество автора (полностью), учёную степень и учёное звание (при наличии), место работы (полное наименование без аббревиатурных сокращений) и должность, занимаемую автором, e-mail автора, почтовый адрес по которому автор хотел бы получить авторские экземпляры (два) журнала, дополнительные сведения, определяющие научные или иные достижения автора (при желании), а также научные интересы автора (при желании)..

Статьи в электронном виде направляются на электронную почту главного редактора журнала Чернова Сергея Васильевича: sv.chernov@institutnpo.ru

www.institutNPO.ru

Уважаемые авторы!

Соблюдая указанные правила оформления материалов, Вы в разы сокращаете сроки выхода вашей статьи из печати. Редакция заранее благодарит Вас!

Научное издание

ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА

№ 10 2019

Научно-практический журнал

Автономная некоммерческая организация науки
и дополнительного профессионального образования
Институт Непрерывного Профессионального Образования

Шеф-редактор: *С.С. Антипов*

Главный редактор: *С.В. Чернов*

Председатель редакционного совета: *М.А. Пекелис*

Ответственный секретарь: *Э.М. Спирова*

Заместитель главного редактора: *В.А. Шейкин*

**Издательство Института Непрерывного
Профессионального Образования**

115093, Россия, Москва, 1-й Щипковский переулок, д. 20

Тел. +7 (499) 130-12-27; +7 (909) 640-91-17;

e-mail: sv.chernov@institutnpo.ru

www.institutNPO.ru

ISSN 2541-7673

